

К-14038

П303509

ВЕСТНИК

ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№ 238

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА
ДОСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЙ

1983

. 30 к.

И
Т
Т

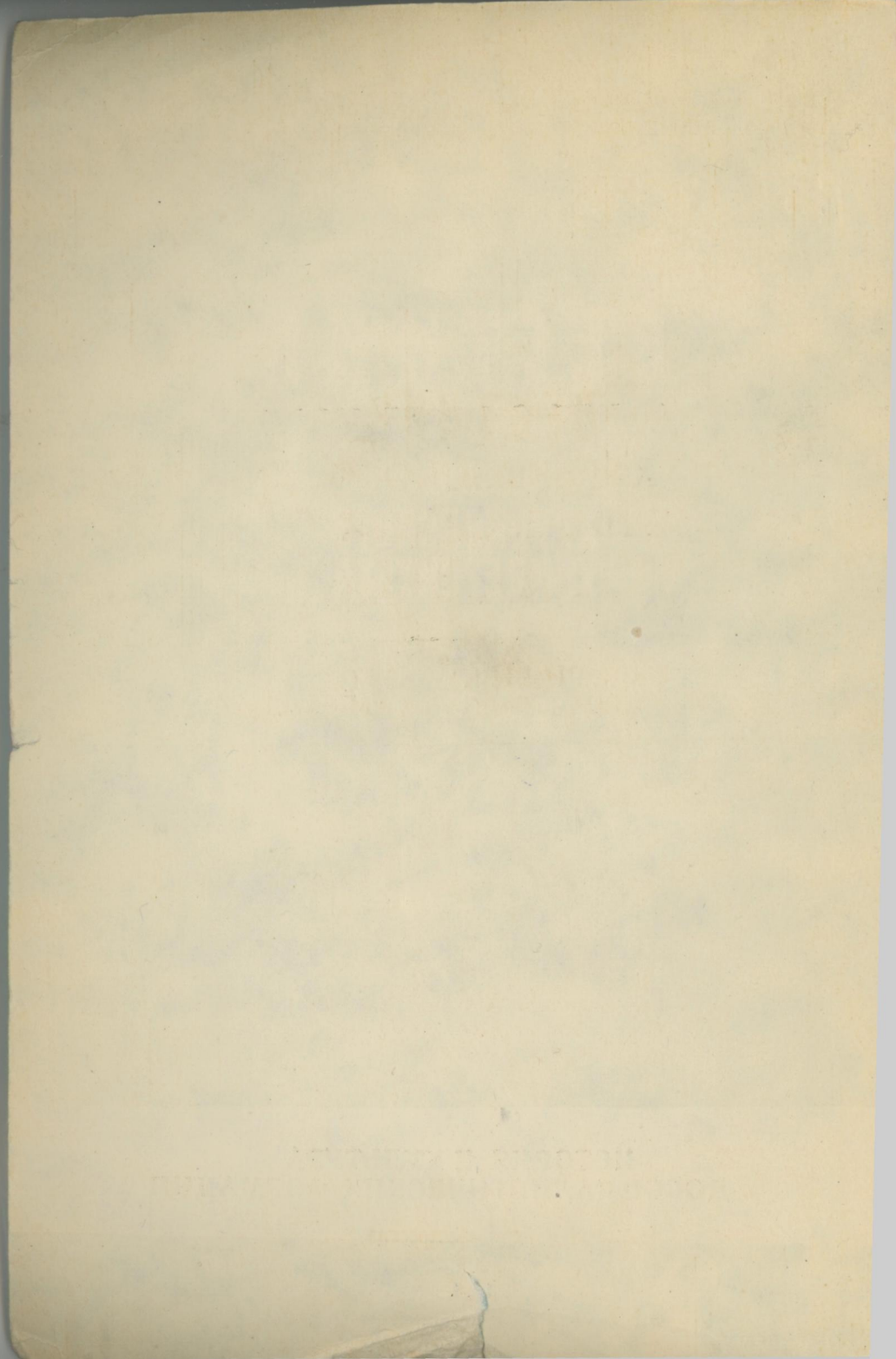
Вестн. Харьк. ун-та, 1983, № 238, 1—128.

V.N. Karazin Kharkiv National University

00251791

5

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР

ВЕСТНИК
ХАРЬКОВСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА

№ 238

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА
ДОСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЙ

ХАРЬКОВ
ИЗДАТЕЛЬСТВО ПРИ ХАРЬКОВСКОМ
ГОСУДАРСТВЕННОМ УНИВЕРСИТЕТЕ
ИЗДАТЕЛЬСКОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ
«ВИЩА ШКОЛА»
1983

В вестнике рассмотрены многие актуальные вопросы истории и культуры досоциалистических формаций: проблемы археологии железного века Восточной Европы, истории древнего мира и средних веков, отдельные аспекты дореволюционной отечественной и зарубежной истории нового и новейшего времени. Ряд статей посвящен источниковедческим и историографическим вопросам.

Для научных работников, преподавателей вузов, аспирантов и студентов.

Редакционная коллегия: В. И. Кадеев (отв. ред), Ю. И. Журавский (отв. секр.), А. Е. Кучер, Г. Н. Попов, И. К. Рыбалка, И. Л. Шерман

Адрес редакционной коллегии: 310077, Харьков-77, пл. Дзержинского, 4, университет, исторический факультет, тел. 40-14-78
Редакция гуманитарной литературы

0501000000—009

В

M226(04)—83

© Харьковский государственный университет,
1983

В. В. ЗИНЧЕНКО, канд. ист. наук

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ТЕРРИТОРИАЛЬНО-АДМИНИСТРАТИВНОЙ РЕФОРМЫ ВО ФРАНЦИИ (1959—1969 гг.)

Основоположники научного коммунизма придавали огромную роль периодизации исторического процесса, выделению основного содержания его развития на каждом из этапов как в целом, так и при изучении отдельных общественных событий и явлений. В. И. Ленин подчеркивал необходимость «смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» [1, т. 39, с. 67]. На основании этих методологических указаний в данной статье ставится задача выделить и коротко охарактеризовать основные этапы территориально-административной реформы, проводившейся правящими кругами Франции в период президентства генерала де Голля.

Советская историография достигла определенных успехов в исследовании отдельных аспектов территориально-административной политики голлистских властей и борьбы против нее демократической общественности. Однако периодизация реформы освещена фрагментарно. Исследователи рассматривают лишь начальный период реформы, расходятся во взглядах при определении его временных рамок и в их мотивировках. Так, А. Л. Ефимова указывает, что первый этап реформы закончился в 1961 г. принятием законодательных актов об учреждении Парижского дистрикта, а следующий начался в 1964 г. изданием декретов о регионализации страны [2, с. 184]. Р. М. Подобедов ограничивает начальный этап наступлений против муниципалитетов 1962 г. и также характеризует его исключительно принятием «законов и декретов, направленных на укрепление административной опеки и узаконения произвола префектов» [4, с. 177]. А. А. Транин считает, что первый этап реформы закончился в мае 1963 г. в связи с внесением ФКП в парламент законопроектов о правах муниципалитетов [6, с. 79].

Следует отметить, что декреты такого характера постоянно издавались в течение 60-х годов, а ФКП ежегодно вносила в парламент законопроекты о демократизации местного самоуправления, что не может служить критерием периодизации

реформы. При изучении территориально-административной реформы, длившейся более 10 лет, очень важно помнить известные ленинские положения о необходимости брать за основу «именно анализ *классового* содержания» того или иного исторического явления, выяснять «главные особенности исторической обстановки» на каждом этапе его развития, охватывать «действия *масс* населения», учитывать, кто ими руководит, и рассматривать его как единый в своей разносторонности и противоречивости процесс [1, т. 26, с. 151, 142, 57].

Территориально-административная реформа являлась неотъемлемой частью голлистских планов установления в стране сильной власти и приспособления государственного аппарата к потребностям монополистического капитала. Цели реформы носили многоплановый характер и касались политической, экономической, социальной и культурной жизни страны. Наряду с вопросами демократии, они затрагивали статус общественной школы, здравоохранения, жилищного строительства, фискальной системы и социального страхования, благоустройства территории, экологии и т. п.

Реформа осуществлялась в три этапа. Первый из них охватил период с января 1959 по июль 1963 г. Он характеризовался наиболее открытой агрессивностью режима и обилием законодательных актов, прямо направленных против местных органов власти. Новый режим ввел мажоритарную систему голосования на муниципальных выборах, издал декреты об объединении пролетарских предместий с городами, населенными имущими слоями, управлять которыми должны были назначаемые технократы. Опека и контроль мэров и советников были доведены до того, что, например, документы на строительство муниципальной школы, больницы или жилого дома проходили 60 инстанций для получения санкции на закладку стройплощадки.

Открытая агрессивность и напористость наступления голлистов против органов власти на местах были обусловлены рядом факторов развития внутривнутриполитической ситуации в стране в первые годы установления нового режима. После событий 1958 г. левые силы были расколоты. Не было единства и в рабочем движении. В стране действовала профашистская Секретная вооруженная организация (ОАС). Массы были утомлены колониальными войнами, особенно алжирской, длившейся до 1962 г. Они с нетерпением ждали перемен в сторону стабилизации положения в стране, а буржуазная пропаганда убеждала их в том, что решение такой задачи посильно лишь «спасителю Франции генералу де Голлю», руководствующемуся принципами «надклассовости и надпартийности». С другой стороны, эта же пропаганда запугивала массы якобы порождаемой коммунистами опасностью гражданской войны. Так, премьер-министр первого правительства Пятой республики М. Дебрэ писал, что засилье коммунистов в муниципалитетах страны поставило

«политическую проблему в самом серьезном смысле слова для будущего нации» [7, с. 242].

Компартия Франции, выступившая в конце 1958 г. против режима личной власти, временно оказалась оторванной от других демократических формирований. Социалисты, буржуазные демократы и республиканцы не поняли истинных целей реформы. Веря в ее чисто антикоммунистическую направленность, они поддерживали политику нового режима. Компартия же не успела в столь короткое время выработать и довести до сознания широких народных масс подлинно демократическую альтернативу реакционной реформе.

В этих благоприятных для него условиях де Голль активно атаковал коммунальную автономию. Основными направлениями его наступления против местных свобод являлось изменение муниципальной избирательной системы, территориально-административная перетряска коммун и усиление опеки центральных властей над муниципалитетами.

Коммунистам же в 1959—1962 гг. пришлось вести борьбу за демократию вообще и за местные свободы в частности. В эти годы борьба за местные свободы не носила массового характера и велась лишь муниципальными советами, возглавлявшимися компартией. Коммунисты не растерялись перед лицом серьезных трудностей. Они повели многоплановую работу по подготовке масс на борьбу за сохранение демократии на местах. ФКП не скрывала, что с установлением режима личной власти рабочий класс и демократические силы получили тяжелый удар, значительно увеличивший трудности в борьбе за республиканские свободы. «Было бы очень опасно недооценивать значение происшедших изменений, — констатировал М. Торез на XV съезде партии (1959 г.), — серьезность удара, нанесенного рабочим и демократическим силам» [5, с. 392]. Вместе с тем компартия вселяла в сторонников демократии уверенность в конечном успехе, заявляя, что разрешение острых проблем несовместимо с интересами крупного капитала [9, 1958, 29 сент.].

Компартия придавала важное значение вопросам выработки тактики борьбы за местные свободы. Состоявшийся в 1959 г. XV съезд ФКП внес большой вклад в их решение. Съезд подчеркнул, что «массовое народное движение» является «единственным средством для достижения победы над авторитарным режимом и реакцией» [5, с. 438]. Для развития такого движения необходимо было достигнуть единения всех республиканских сил. Важное значение съезд придавал выработке этими силами программы борьбы за восстановление республиканских свобод. «Чтобы обеспечить конкретную платформу для союза между рабочим классом, трудовым крестьянством, интеллигенцией, средними городскими слоями, союза между коммунистической партией и другими демократическими партиями, — указывалось на съезде, — необходимо выработать программу

обновления республиканских институтов» [5, с. 433]. Была подчеркнута большая опасность правительственной муниципальной политики для развития рабочего движения. «Создание «городских районов», — говорил М. Торез, — создает прямую угрозу коммунальным свободам. Эти меры направлены, в частности, на то, чтобы парализовать созидательную деятельность рабочих муниципалитетов» [5, с. 413].

Съезд призвал всех членов партии к развертыванию пропагандистской работы в массовых организациях, а мэров и советников — «к созданию различных комитетов единства на местах» [5, с. 431]. «Является действием все, — нацеливал форум ФКП местных избранных, — что отражает вмешательство масс, даже простейшая петиция, скромнейший коллоквиум о мире в Алжире, собрание по детскому вопросу, заседание комитета квартиросъемщиков» [5, с. 544]. Съезд учитывал сложность обстановки в стране. Вместе с тем определенные им задачи были проникнуты оптимизмом. Основной чертой тактической линии ФКП являлся ее боевой, наступательный характер.

Дальнейшее развитие эта линия нашла в решениях XVI съезда ФКП (1961 г.), который обратил внимание на необходимость активизации деятельности демократических организаций и развития самодеятельности широких народных масс в борьбе за демократию на местах [12]. В основе тактической линии по защите местных свобод было положение В. И. Ленина о необходимости вести рабочий класс к завоеванию власти, «не ограничиваясь рамками буржуазной легальности, а ломая их; не удовлетворяясь парламентскими выступлениями и словесными протестами, а втягивая в активное действие массы, расширяя и разжигая борьбу из-за всякого коренного демократического требования до прямого натиска пролетариата на буржуазию» [1, т. 27, с. 254—255].

ФКП успешно претворила в жизнь тактику борьбы против территориально-административной реформы. В феврале—июле 1963 г. всю страну охватили мощные непрерывные общенациональные массовые выступления протеста против планов правительства. Режим был вынужден отступить и отказаться от «лобовых» атак против муниципалитетов. «Власти, — говорил по этому поводу член ЦК ФКП В. Люилье, — натолкнувшись на наше сопротивление, были вынуждены изменить свою тактику. Вместо открытой атаки они теперь прибегают к медленному подкопу под демократическую систему самоуправления местных органов» [9, 1963, 27 дек.].

Главную роль ФКП в отражении наступлений против местных свобод на первом этапе реформы были вынуждены признать и буржуазные авторы. Так, Дебрэ подчеркивал серьезную опасность для нового режима применяемой коммунистами в борьбе против муниципальной политики «так называемой тактики Народного фронта» [7, с. 242]. О наличии только

у ФКП программы и лозунгов борьбы за коммунальную автономию, о «самопожертвовании» коммунистических муниципалитетов в этой борьбе писал П. Мендес-Франс, а М. Дюверже отмечал прочную опору в ней компартии на широкие народные организации и отсутствие таковой у традиционных политических партий Франции [10, с. 222—223; 2, с. 7].

Массовые кампании ФКП за права муниципалитетов в 1963 г. сыграли важную роль в эволюции внутривнутриполитической ситуации и расстановки классовых сил в стране. Помимо отступления режима, их наиболее важным результатом оказались значительный рост влияния и авторитета ФКП в массах и демократических организациях, зарождение и развитие союза левых сил, политическая активизация трудящихся в масштабе всей страны и осознание ими того, что под напором мощных народных выступлений можно вынудить промонополистический режим к отступлению.

Второй этап реформы охватил период с декабря 1963 по конец 1968 г. В это время мероприятия режима носили комплексный характер. Власти начали прибегать к использованию новых методов подрыва коммунальной автономии, но при возможности не отказывались и от уже испытанных. Так, продолжением попыток осуществления своих планов прежними методами явились декреты о реорганизации Парижского района, в результате чего в нем вместо прежних трех предусматривалось введение семи должностей префектов (июль 1964 г.), закон об учреждении городских объединений вокруг Лиля, Страсбурга, Лиона и Бордо, в которые должно было войти 198 коммун (май 1966 г.), проекты создания из 38 000 коммун страны 3 500 городских, сельских и смешанных «секторов межкоммунальной кооперации» (конец 1968 г.). В основном эти начинания остались на бумаге из-за сопротивления масс.

Одним из новых направлений муниципальной политики властей являлось их стремление уже не к полной ликвидации коммун как самостоятельных административных единиц, а к лишению их полномочий учреждением надкоммунальных и наддепартаментских органов, назначаемых центральной властью региональных ассамблей с префектами во главе. Другим направлением были попытки голлистов подорвать финансовую независимость местных органов власти и лишить их выборности осуществлением антидемократических реформ в области коммунальных служб: системы местного налогообложения, общественной школы, социального страхования, жилищно-строительных комитетов (АЛМ) и т. д. Именно декретом от 19 декабря 1963 г. о реорганизации АЛМ власти и начали новое наступление против муниципалитетов. Из этих комитетов устранились генеральные советники, представители профсоюзов, жителей коммун, общественных организаций, а число муници-

пальных советников сокращалось вдвое. Управление АЛМ полностью передавалось префектам.

Однако расстановка классовых сил в стране в эти годы существенно изменилась. ФКП уже была вооружена демократической альтернативой правительственной реформе. В 1963 г. она успешно проверила на практике тактику борьбы за демократию на местах, укрепила связь с массами. Под влиянием реакционной политики властей, с одной стороны, и возросшего авторитета в массах ФКП, с другой, начали пересматривать свое отношение к голлистским экспериментам руководители Французской социалистической партии (СФИО), партии радикалов, представители либеральной буржуазии. Левыми силами удалось достичь соглашения о выдвижении на президентских выборах 1965 г. единого кандидата Ф. Миттерана. В 1966 г. ФКП приняла совместный документ о единстве в борьбе за местные свободы с Федерацией демократических и социалистических левых сил (ФДСЛС). В течение всего периода активной борьбы против реформы компартия пропагандировала в массах идею о необходимости выработки и принятия левыми силами совместной правительственной программы, что находило все большее и большее одобрение среди трудящихся и демократических организаций. В таких условиях голлистские власти начали свое новое наступление против муниципалитетов.

Законодательный акт о реорганизации АЛМ вызвал возмущение демократических сил страны. Уже 21—23 декабря 1963 г. коммунистические муниципалитеты Франции провели массовые митинги и демонстрации протеста. Это явилось началом новой волны массовых общенациональных кампаний в защиту местных свобод. На втором этапе реформы это движение отличалось более широким масштабом и продолжалось с небольшими спадами до 1968 г. Правительству не удалось достичь успехов и на этот раз.

Третий этап реформы охватил очень короткий период — февраль — апрель 1969 г. По характеру действий президента Франции этот этап можно назвать ультимативным. Не получив желаемых результатов в течение десятилетней политики обмана и открытых атак, де Голль прибегнул к шантажу. Он, как и в начале 60-х годов Дебрэ, запугивал страну угрозой установления власти «тоталитаристов, которые хотят подавить все беспощадной тяжестью подчинения» [11, 1969, 27 апр.]. Де Голль ультимативно потребовал разрешить ему на референдуме авторитарное осуществление территориально-административной реформы и пригрозил в противном случае уйти в отставку. Однако эта ультимативность являлась признаком не прочности, а, напротив, слабости позиций президента и тех слоев, чьи интересы он выражал.

Фактически де Голль признал провал своей многолетней территориально-административной политики и невозможность

навязывать волю организованному большинству нации. Он демагогически призывал французов к проявлению «разумных национальных устремлений», чтобы «честно самим распоряжаться своей судьбой», и обещал в случае одобрения его проектов «дать стране демократические институты, соответствующие интересам народа» [11, 1969, 27 апр.].

В то же время президент требовал одобрить законопроект, который не обсуждался ни в Сенате, ни в Национальном собрании и о котором никто, за исключением узкого круга его составителей, ничего не знал. Особенностью планов де Голля на этом этапе реформы было его намерение превратить Сенат, избравшийся мэрами, муниципальными и генеральными советниками, в корпоративную палату.

ФКП и на этот раз шла в авангарде борцов за коммунальные свободы. Она развернула общенациональную массовую кампанию протеста против законопроекта за месяц до официального объявления начала избирательной кампании. Де Голль потерпел поражение на референдуме. Его отставка знаменовала конец территориально-административной реформы, оставшейся неосуществленной [3].

Руководствуясь ленинскими указаниями о критериях периодизации исторического процесса, мы пришли к выводу, что каждый из этапов территориально-административной реформы в отдельности характеризовался присущим лишь ему комплексом признаков: тактикой наступления властей против местных свобод, эволюцией внутривластной ситуации и расстановки классовых сил в стране, отношением к реформе различных классов, социальных слоев и политических партий, ролью последних в борьбе за коммунальное самоуправление и, наконец, степенью сопротивления народных масс реакционной политике правящих кругов.

В данной статье кратко рассмотрены основные вопросы сложной проблемы, позволяющей проиллюстрировать обострение кризиса буржуазного парламентаризма и усиление классовой борьбы в странах капитала. Многие из них ждут своих исследований.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, 27, 39. 2. Ефимова А. Л. Французские коммунисты в муниципалитетах. — М.: Мысль, 1975. — 254 с. 3. Зинченко В. В. Референдум 1969 г. и позиция Французской коммунистической партии. — *Вопр. новой и новейшей истории*, 1981, вып. 27, с. 58—67. 4. Подобедов Р. М. Деятельность французских коммунистов в муниципалитетах. — В кн.: *Из истории нового и новейшего времени*. Изд-во Воронеж. ун-та, 1965, с. 169—183. 5. Торез М. Избранные произведения — М.: Политиздат, 1959, т. 2. — 623 с. 6. Транин А. А. Муниципальное управление крупных городов Франции (V Республика). — *Вестн. Моск. ун-та*, 1968. Право, вып. 1, с. 77—81. 7. Debré M. Au service de la Nation. — Paris, 1963. — 258 p. 8. Duverger M. Démocratie sans le peuple. — Paris, 1967. — 219 p. 9. *Z' Humanité*. 10. Mendes-France P. *Za République moderne*. — Paris, 1962. — 229 p. 11. *Ze Monde*. 12. *Zes travaux du XVI Congrès du Parti Communiste Français*. — *Z' Humanité*, 1961, 12 mai.

Поступила в редколлегию 14.01.81.

**НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ
В ИНДИИ В 1918—1922 гг.
И РАБОЧИЙ КЛАСС**

Проблема взаимосвязи рабочего движения с национально-освободительной борьбой представляет значительный интерес на любом из этапов освободительной борьбы. Так, на состоявшейся в Берлине в октябре 1980 г. международной научной конференции на тему «Совместная борьба рабочего движения и национально-освободительного движения против империализма», в работе которой принимали участие представители 116 коммунистических и других революционных партий и организаций, вопрос рассматривался с точки зрения его состояния на современном этапе [3]. Это обуславливает необходимость углубить изучение взаимосвязи рабочего и национально-освободительного движения на предыдущих этапах. Дальнейшее обобщение материала и детальный анализ позволяют полнее определить место рабочих выступлений в национальном движении, их воздействие на развитие освободительной борьбы.

Следует учитывать и тот факт, что освещаемая тема является предметом обостряющейся идеологической борьбы. В буржуазной историографии национально-освободительного и рабочего движения проявляется стремление замалчивать или умалять значение участия рабочих масс в борьбе за независимость [15, с. 82]. В изданиях индийских историков и публицистов, даже если и признается высокая степень проявления борьбы рабочих масс, не освещается ее влияние на национально-освободительное движение [13].

Советские историки уделяют большое внимание вопросу о месте рабочих выступлений в общенациональной борьбе [7; 14]. Однако по Индии эта проблема освещена частично в некоторых статьях и в общей постановке в отдельных монографиях [19]. Еще не раскрыты многие вопросы взаимосвязи названных явлений на различных этапах борьбы за независимость.

В работе А. Б. Резникова довольно подробно изложен материал об отношении Коммунистической партии Индии к Национальному конгрессу и его тактике. При этом автор касается некоторых моментов взаимосвязи последнего с рабочим движением [17, с. 158].

Подъем и бурное развитие национально-освободительного движения в Индии в 1918—1922 гг. были вызваны дальнейшим обострением противоречий между угнетаемой массой населения страны и господствовавшим английским капиталом, влиянием Великой Октябрьской социалистической революции. Каналы этого влияния были самыми различными. Оно определило усиление активности национально-освободительных элементов и конкретизацию борьбы, что выразилось в более четкой формули-

ровке основной цели — достижение национальной независимости [4, с. 2]. Широкое влияние Октября обуславливалось прежде всего тем, что в ходе социалистической революции четко проявилась возможность осуществления каждым народом права на национальную независимость. Видный индийский государственный деятель Паниккар в свое время отмечал, что именно Декларация прав народов России с ее положением о равенстве и суверенности национальностей была тем явлением, которое рождало новые надежды [10, с. 9]. Индийский коммунист Т. Адхикари в связи с этим отмечал: «Первым, что привлекало внимание индийских революционеров, было то, что Ленин и Октябрьская революция осуществили на деле право угнетенных ранее народов на самоопределение, что находилось в явном контрасте с выступлениями президента Вильсона и с пустой, ничего не стоящей декларацией Монтфорда» [8, с. 396]. Колониальные власти вынуждены были признать всестороннее влияние Октября на освободительное движение в Индии и считаться с ним. В докладе комиссии Монтегю-Челмсфорда английскому правительству и парламенту в апреле 1918 г. отмечалось, что «...революция дала толчок индийским политическим устремлениям» [10, с. 9].

Но отношение к Октябрю, его идеям в различных общественных кругах и в Национальном конгрессе не было однозначным и кратковременным. Сущность этого процесса хорошо раскрыта в коллективной работе советских историков, которые отметили, что «воздействие Октябрьской революции на Индию — длительный и многосторонний процесс. Главный и непосредственный урок, который извлекли из революционных событий в России различные классы и представлявшие их индийские общественно-политические организации, заключался в том, что залогом успешной освободительной борьбы является активное участие в ней широких народных масс» [9, с. 386].

Активизация национально-освободительного движения и вовлечение в его ряды новых участников начали проявляться в 1918 г. Английские власти стремились путем частичного реформирования и отдельных уступок ограничить активность масс. В развивающемся в 1918—1919 гг. движении проявилось наличие двух направлений. Одно из них — массовые, подчас весьма решительные выступления, вплоть до вооруженной борьбы. Так, после события 11—13 апреля 1919 г. в Амритсаре вспыхнуло восстание в Лахоре, волнения охватили ряд других городов Пенджаба. В 1919—1921 гг. вооруженные выступления стихийно начинались в самых различных районах страны. Предварительное обобщение данных позволяет сделать вывод, что в это время имели место 63 случая вооруженных выступлений.

Вторым направлением явилась кампания гражданского неповиновения, начавшаяся под руководством Индийского нацио-

нального конгресса (ИНК) в 1919 г. и продолжавшаяся до начала 1922 г. Это яркая страница в истории национально-освободительного движения Индии, важный этап в развитии освободительной борьбы, обогативший ее новым значительным опытом. Следует признать, что линия Ганди и ИНК в 1919—1921 гг. содействовала развитию национально-освободительного движения. Высказывается мнение, что эта линия не была альтернативной революции [16, с. 51]. Но такая мысль вызывает сомнения, поскольку ИНК и Ганди в тот период никакой другой линии, кроме хартала, не выдвигали. А наличие массовых выступлений вне рамок кампании гражданского неповиновения можно считать предпосылкой развития национально-освободительной революции. Безоговорочное оправдание осуществляющейся тогда ИНК и Ганди линии вряд ли необходимо. Такая позиция может быть использована для утверждения тезиса о том, что Индия была и остается примером таких стран, в которых революция неприемлема и противоречит их природе [11, с. 60—62].

Важной составной частью растущего национально-освободительного движения явился рабочий класс Индии. К этому времени его ряды численно выросли. В начале XX в. число промышленных рабочих составляло 349810 чел., а в 1918 г. оно достигло 1122922 чел. [21, с. 62]. Но это был пролетариат еще в первом поколении, переживший процесс формирования. Он лишь приобрел опыт классовой борьбы. В 1918—1920 гг. участились стачечные выступления индийских рабочих. Еще в 1919 г. на I конгрессе Коминтерна отмечалось, что «в Индии революционное движение не прекращалось ни на один день, и за последнее время привело к могущественнейшим забастовкам рабочих, на которые великобританское правительство отвечало работой блиндированных автомобилей в Бомбее» [2, с. 275].

Наибольший размах рабочие выступления приняли в 1921 г., когда по стране прошло 396 забастовок при участии 600351 чел., что привело к потере 6984426 рабочих дней [21, с. 62]. При этом преобладали стачки, связанные с выдвижением экономических требований. Но отмечались также выступления в знак солидарности и политические по своему характеру. Так, 17 ноября 1921 г. в Бомбее состоялась политическая стачка протеста против приезда принца Уэльского.

Уже в то время Бомбей выделялся как район наиболее активных рабочих выступлений. В 1921 г. на город и президентство пришлось до 90 выступлений рабочих, в результате которых было потеряно до 968775 рабочих дней [6, с. 20].

Рост рабочего движения в указанные годы отмечен не только подъемом стачечных выступлений, но и усилением тяги к организованности. Она проявилась в формировании первых постоянных профсоюзных организаций. В 1918 г. в Бомбее воз-

никли два, в Калькутте — один, в Мадрасе — четыре союза [12, с. 15]. В 1920 г. уже возникла необходимость и возможность создать общендийский профсоюзный центр — Всеиндийский конгресс профсоюзов [5, с. 4].

Активизация борьбы рабочих и рост их организованности предопределили усиление роли этой социальной силы в общендийском движении за независимость. Прогрессивный индийский историк Т. Рао, анализируя ход стачечных выступлений рабочих в те годы, отмечал, что они начали сознавать свои права, а это во многом было обусловлено влиянием революции в России [18, с. 46].

Остается открытым вопрос о том, как и в какой степени проявилась взаимосвязь национально-освободительного движения и выступлений рабочих масс.

При этом следует учитывать, что речь не может идти о проявлении уже на первом этапе прямых контактов между организациями. Скорее надо говорить о том, что сам факт развития рабочего движения усиливал борьбу за независимость. Ведь именно это обусловило то, что уже в 1919—1920 гг. руководители Национального конгресса и его организаций начали уделять внимание вопросам связи с рабочими массами. На сессии ИНК осенью 1920 г. была принята резолюция, в которой указывалось на необходимость создания организации рабочих [17, с. 158].

В 1919—1920 гг. в руководящих органах ИНК неоднократно обсуждалась проблема отношения к рабочему движению. При этом проявилось расхождение в позициях его лидеров — Ганди и Тилака.

Ганди совместно с С. Банкер и А. Сарабхан участвовал в создании профсоюза текстильщиков в Ахмедабаде [6, с. 16]. Но он хотел подчинить рабочее движение ИНК, лишив его самостоятельности и классовой позиции. Ганди был против участия профсоюзов в политических кампаниях.

Тилак считал рабочий класс составной частью сил, которые боролись за независимость. Он говорил, что «...авторитет рабочих организаций будет все более возрастать и именно рабочие будут теми, кто станет управлять обществом» [20, с. 25].

Сам факт внимания лидеров ИНК к рабочему вопросу может быть свидетельством значительности влияния борьбы рабочих на национально-освободительное движение. Об этом же говорит и различие в подходе к данной проблеме Ганди и Тилака.

Большое внимание уделяли вопросу о степени и характере связи рабочих выступлений с национально-освободительным движением представители формировавшегося в 1920—1922 гг. коммунистического движения Индии.

В буржуазной историографии усиленно пропагандируется тезис о том, что коммунисты не признавали сотрудничества с ИНК,

а следовательно, и с национально-освободительным движением [22, с. 109].

Факты свидетельствуют о противоположном. В декабре 1921 г. представители коммунистических групп направили в адрес сессии ИНК в Ахмедабаде специальный манифест [4, с. 338—354]. В нем предполагалось установить тесные связи между силами, участвовавшими в национально-освободительном движении, и рабочим движением. С новой силой эти предложения прозвучали на сессии ИНК в Гайя в декабре 1922 г., где представителями коммунистического движения были выдвинуты проект резолюции «Организация рабочих» и «Программа Национального конгресса». В последнем документе выдвигалось положение о наличии классов в индийском обществе и отмечалось, что ИНК не должен отражать интересы только одного из них, а может явиться объединением всех сил, противостоящих иностранному господству. Предусматривалась выработка соответствующей программы, которая отражала бы интересы различных классов, в том числе и рабочего [4, с. 580]. Речь шла о поисках путей для объединения всех сил, способных внести свой вклад в борьбу за независимость.

Подъем национально-освободительной борьбы в Индии в 1918—1922 гг. был отмечен вовлечением в антианглийские выступления самых широких слоев населения. Выступления рабочих в крупнейших промышленных и административных центрах придавали остроту освободительной борьбе. Это обусловило внимание руководства ИНК к рабочему движению в 1919—1920 гг., но при этом проявилось два подхода. Ганди стремился придать рабочим выступлениям вспомогательный характер. Тилак по вопросу о месте рабочих в национально-освободительном движении шел дальше. Он оценивал рабочий класс как силу, влияние которой в освободительном движении будет возрастать.

В эти годы формировалось коммунистическое движение в Индии. Деятельность его первых правителей не лишена была слабых сторон, но они, однако, настойчиво пропагандировали идею соединения усилий рабочего класса с выступлениями широких масс, участвовавших в национально-освободительной борьбе.

На первом этапе подъема национально-освободительного движения проблема определения форм и методов соединения борьбы рабочих масс и других социальных кругов не была решена. Но четко проявилось значение выступлений пролетариата для усиления освободительного движения и наметились поиски путей для объединения усилий всех групп борцов за независимость. Проявился тот процесс, о котором В. И. Ленин говорил: «Народы Востока просыпаются к тому, чтобы практически действовать и чтобы каждый народ решал вопрос о судьбе всего человечества» [1, с. 328].

- Список литературы:** 1. Ленин В. И. Доклад на II Всероссийском съезде коммунистических организаций народов Востока 22 ноября 1919 г. — Полн. собр. соч., т. 39, с. 318—331. 2. Первый конгресс Коминтерна. Стенограф. отчет. Март 1919 г. — М.: Политиздат, 1933.—450 с. 3. Правда. 4. Documents of the History of the Communist Party of India, vol. 1.—New Delhi, 1971.—740 p. 5. AITUC-fifty years. Documents, vol 1.—New Delhi, 1973.—87 p. 6. Labour Gazette. 7. Заказникова Е. Рабочий класс и национально-освободительное движение в Индонезии. — М.: Изд-во восточной литературы, 1971.—280 с. 8. Адхикари Т. Ленин и Индия. — В кн.: Ленинизм и развитие марксистской мысли за рубежом. М.: Политиздат, 1970, с. 394—398. 9. Антонова К., Бонгард-Левин Г., Котовский Г. История Индии. — М.: Наука, 1973.—560 с. 10. Гхош А. Октябрьская революция и национально-освободительное движение в Индии. — М.: Политиздат, 1957.—53 с. 11. Gontar N. International communism and World Revolution.—London, 1961.—150 p. 12. Karnik V. Indian Trade Unions Cl Survey.—Bombay, 1960.—340 p. 13. Karnik V. Indian Trade Unions.—Bombay, 1966.—270 p. 14. Мхитарян С. Рабочий класс и национально-освободительное движение во Вьетнаме (1885—1930). — М.: Изд-во восточной лит-ры, 1967.—267 с. 15. Mekenzie K. Comintern and World Revolution. The Shaping of doctring.—New Jork, 1961.—110 p. 16. Резников А. Из истории Коммунистической партии Индии. — Народы Азии и Африки, 1975, № 5, с. 48—57. 17. Резникова А. Стратегия и тактика Коммунистического интернационала по национально-колониальному вопросу. — М.: Политиздат, 1978.—341 с. 18. Rao T. Strikes in India (1860—1970). —Hyderubud, 1972.—410 p. 19. Хашимов И., Шапошникова Л. К истории рабочего движения в Индии. — Ташкент: Политиздат, 1961.—288 с. 20. Sardesai S. India and Russian Revolution. — New Delm, 1967.—78 p. 21. Srivastava K. Industrial peace and labour in India. — Allahabad, 1954.—340 p. 22. Wint G. Communism in India.—London, 1971.—380 p.

Поступила в редколлегию 13.11.81.

А. А. ЧУВПИЛО, канд. ист. наук

ИНДИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ 1918—1922 гг. В ИНДИИ

Великая Октябрьская социалистическая революция нанесла сокрушительный удар по империализму, вызвала могучий подъем национально-освободительного движения и положила начало кризису колониальной системы империализма. В Индии, крупнейшей в то время колонии мира, под влиянием идей Октября антиимпериалистическая борьба приобрела особенно широкий размах и всенародный характер.

В. И. Ленин подчеркивал, что после победы Великого Октября в колониальных странах развернулось антиимпериалистическое движение, а «Британская Индия стоит во главе этих стран, и в ней революция тем быстрее нарастает, чем значительнее становится в ней, с одной стороны, индустриальный и железнодорожный пролетариат, а с другой стороны, чем более зверским становится террор англичан, прибегающих все чаще и к массовым убийствам (Амритсар), и к публичным поркам и т. п.» [1, т. 44, с. 5].

Самым ярким свидетельством влияния Октября на Индию явился бурный подъем национально-освободительного движения в 1918—1922 гг. В нем приняли активное участие рабочий класс, крестьянство, интеллигенция, городская беднота, различные слои буржуазии. Возглавляли движение буржуазно-национальные силы в лице самой влиятельной политической национальной организации — Индийского национального конгресса (ИНК). Конгресс под руководством М. К. Ганди, который осознал необходимость опоры на широкие массы в борьбе против английских империалистов, стал в эти годы превращаться в массовую антиимпериалистическую организацию. В нем все большую роль начали играть буржуазно-радикальные элементы. За шесть десятилетий, прошедших со времени тех бурных событий, вышло множество исследовательских и научно-популярных работ как буржуазных ученых, так и исследователей-марксистов, в которых в той или иной степени освещается борьба индийского народа под руководством ИНК за свержение империалистического гнета. В советской и зарубежной марксистской историографии имеются труды, посвященные общим проблемам индийского освободительного движения, участию рабочего класса, крестьянства, мелкобуржуазных слоев в движении за независимость, проблемам коммунистического движения, деятельности ИНК и других национально-буржуазных организаций, анализу взглядов М. К. Ганди и других выдающихся борцов за свободу Индии. Вся эта литература имеет определенное отношение и к событиям 1918—1922 гг. Что же касается историографических работ, посвященных анализу исследований по этой сложной и большой проблеме, то их до настоящего времени нет.

Данная статья посвящена изучению развития индийской историографии национально-освободительного движения 1918—1922 гг., в частности причин возникновения освободительной борьбы, участия в ней народных масс, характеристики различных течений и социальных сил, участвовавших в движении за национальное освобождение. В ней освещены характерные особенности развития исторической мысли, позволяющие выделить общие направления эволюции индийской историографии национально-освободительного движения.

Методологической основой работы явились труды В. И. Ленина по национально-колониальному вопросу, а также по вопросам методологии исторической науки, в которых мы находим неисчерпаемый источник сведений для правильной оценки сложнейших явлений в развитии исторической мысли [1, т. 18, с. 7—384; т. 23, с. 145—146; т. 39, с. 318—331; т. 41, с. 122; т. 41, с. 241—247; т. 44, с. 3—12].

Первые исследования, так или иначе затрагивающие события освободительной борьбы 1918—1922 гг., появились уже в 20—30-е годы. Это были в основном воспоминания и работы

участников движения за свободу С. Ч. Боса [3], Н. Ч. Келкара [4], Д. Кришнадаса [5], Л. Л. Рая [6] и др. В них собран довольно большой фактический материал об антиимпериалистической борьбе индийского народа в целом по стране и в отдельных провинциях, сообщаются интересные сведения о деятельности ИНК, его лидеров, других национальных организаций, приводятся факты из истории рабочего движения и крестьянских выступлениях.

Вместе с тем следует отметить, что их авторы стояли на позициях буржуазного национализма во взглядах на исторический процесс и в оценке деятельности М. К. Ганди. Особенностью этих трудов является описательный характер, фрагментарность, зачастую наличие преувеличений и неточностей. Научный аппарат, как правило, отсутствует. Авторы не смогли дать всестороннее научное объяснение причин возникновения, характера и поражения антиимпериалистического движения 1918—1922 гг., раскрыть объективные закономерности социально-экономического развития Индии после первой мировой войны.

В 1938—1940 гг. была опубликована трехтомная монография крупного буржуазного исследователя проф. М. А. Бача, автора большого количества сочинений по истории и культуре Индии, посвященная анализу политических учений XIX—XX вв. [8]. Он много места уделил описанию движения 1918—1922 гг., анализу теории и практики гандизма [8, т. 2, с. 1—33, 136—176]. Автор положительно отнесся к борьбе народных масс под руководством ИНК за национальное освобождение и дал высокую оценку движению несотрудничества под руководством М. К. Ганди.

Он писал, что движение несотрудничества, отличительной чертой которого была приверженность к ненасилию, не только ослабило позиции колонизаторов в Индии, но и вселило в индийский народ веру в свои силы [8, т. 2, с. 32]. При этом М. А. Бач не уделил должного внимания народным восстаниям, поскольку неодобрительно относился к применению в освободительном движении насильственных методов.

В монографии ярко проявилась буржуазная ограниченность автора, который игнорировал социально-экономические причины движения и не видел наличия классовых противоречий в индийском обществе того времени. Поэтому он рассматривал ИНК как организацию, которая выражала интересы не национально-буржуазных кругов, а всего индийского народа. Наконец, в книге дается идеалистическая трактовка исторического процесса, делается вывод о вневременности и внеисторичности таких категорий, как «национализм», «капитализм», «империализм».

После достижения Индией политической независимости в стране пробудился большой интерес исследователей к пути,

которым народ шел к свободе, к истории ИНК и других организаций, участвовавших в антиколониальной борьбе, к биографиям национальных лидеров. В независимой Индии было опубликовано множество произведений участников освободительного движения, воспоминаний, биографических очерков; вышли также исторические работы.

В 1947 г. появилась монография известного деятеля правоконгрессистского направления Б. П. Ситарамайи «История Индийского национального конгресса» [20]. Это была первая серьезная попытка создания истории освободительной борьбы индийского народа. Основные положения, выдвинутые Б. П. Ситарамайей, нашли дальнейшее развитие в работах других буржуазных авторов.

По обилию собранного фактического материала, его систематизации, подробнейшему изложению событий 1918—1922 гг. монография Б. П. Ситарамайи не имеет себе равных [20, т. 1, с. 149—253]. Автор довольно умело изобразил процесс нарастания освободительного движения в Индии после первой мировой войны, проявления тенденций консолидации, показал роль ИНК во главе с М. К. Ганди в антиимпериалистических выступлениях. В книге также освещаются антиколониальные народные движения, вскрывается их связь и соотношение с организованным национальным движением, воздается должное героизму народных масс в борьбе с английскими империалистами.

Однако Б. П. Ситарамайя придерживался идеалистической концепции, игнорирующей наличие классов, классовой борьбы и социально-экономических формаций. Поэтому он не уделил должного внимания социально-экономическим вопросам, а народные восстания отказался осветить в должной мере под тем предлогом, что они использовали насилие. Подобно М. А. Бачу, Б. П. Ситарамайя рассматривал борьбу индийского народа за независимость только как чисто национальное движение. Так, автор подробно изложил противоречия в рядах конгрессистов по программно-тактическим вопросам. Но при этом он не видел, что в основе этих разногласий лежали классовые противоречия между различными течениями, принимавшими участие в борьбе с колонизаторами. К сказанному следует добавить, что вслед за буржуазными авторами Запада Б. П. Ситарамайя не уделил внимания влиянию идей Великой Октябрьской социалистической революции на Азию, совершенно не упоминая о ее революционных отзвуках в Индии.

После выхода в свет монографии Б. П. Ситарамайи появилось много различных публикаций, в которых затрагивались вопросы освободительной борьбы индийского народа в период революционного подъема 1918—1922 гг. Особенно плодотворными в этом отношении были 50-е — начало 60-х годов. В периодических изданиях Индии, а также отдельными книгами и брошюрами публиковались многочисленные воспоминания

участников и современников тех далеких событий. Были изданы также биографии видных деятелей антиколониального движения. Следует отметить, что подавляющее большинство авторов этих публикаций стояли на буржуазно-националистических позициях: они стремились выдвинуть на первый план национальные аспекты проблемы и всячески затушевать классовые противоречия и классовую борьбу.

В 1951—1954 гг. вышла из печати восьмитомная биография М. К. Ганди, написанная одним из его последователей Д. Г. Тендулкармом [21]. В ней сообщается много достоверных, подтвержденных документальными данными сведений о деятельности М. К. Ганди, его ближайшего окружения, руководящих органов Конгресса, настроениях народных масс во время различных кампаний, проводимых конгрессистами. Во втором томе содержится значительный фактический материал по истории антиимпериалистического движения 1918—1922 гг. [21, т. 2, с. 101—123]. Однако главным недостатком биографии является малое количество собственных авторских обобщений среди множества приводимых фактов.

Заслуживает внимания также биография основателя свараджистской партии Ч. Р. Даса, подготовленная буржуазным исследователем Х. Дас Гуптой [10]. Опираясь на широкий круг источников, в том числе и на некоторые впервые вводимые в научный оборот материалы, автор подробно описал политическую деятельность Ч. Р. Даса и рассказал о его жизненном пути. В то же время много места уделено национально-освободительной борьбе в 1918—1922 гг. и участию в ней будущего лидера свараджистов [10, с. 40—86].

Биограф привел ряд малоизвестных подробностей о деятельности радикальных конгрессистов во время революционного подъема, их составе, программных документах. Х. Дас Гупта также привлек интересные материалы о борьбе Ч. Р. Даса в 1920—1922 гг. за принятие Конгрессом боевой антиимпериалистической программы, снискавшую ему большой авторитет в стране. Вместе с тем нельзя согласиться с идеализацией автором лидера свараджистов и его попытками скрыть буржуазный характер ИНК и свараджистской организации.

В эти же годы были изданы исторические труды Р. Н. Аггарвалы [7], К. Дваркадаса [11], М. В. Рамана Рао [18], Н. Л. Чаттерджи [9] и некоторых других буржуазных авторов, при написании которых использовались воспоминания участников освободительной борьбы, документальные и другие источники. В них приводится значительный фактический материал по истории революционного подъема 1918—1922 гг. Однако научно-исследовательский уровень этих работ невысок, а идейное содержание почти не отличается от монографии Б. П. Ситарамы. Для них также характерно гипертрофирование роли ИНК в национально-освободительном движении, отсутствие внима-

ния к социально-экономическим вопросам, идеалистическая трактовка исторического процесса, описательно-информационный характер. Научный аппарат в большинстве случаев отсутствует.

В 60—70-е годы появились исследования по общим проблемам истории борьбы индийского народа за свободу и независимость [12—15; 19], в которых в основном рассматривалось развитие национально-освободительного движения 1918—1922 гг. Отличительной их особенностью является аналитический, а не описательно-информационный характер изложения, привлечение широкого круга источников, в том числе и архивных материалов, солидный справочный аппарат. Как правило, авторами этих работ были профессиональные историки с большим опытом научно-исследовательской деятельности. Обращает на себя внимание их стремление проникнуть в суть рассматриваемого вопроса, отчетливо высказывать свое отношение к поднятой в книге проблематике, самостоятельно оценивать различные явления и события индийской политической жизни в колониальную эпоху. Но при этом важно подчеркнуть, что основываются они на буржуазной методологии и поэтому оказались не в состоянии понять закономерности развития индийского общества, разобраться в таких сложных понятиях, как «империализм», «нация», «коммунализм», «национализм» и т. п.

Наиболее широко по сравнению с другими авторами проблемы национально-освободительного движения 1918—1922 гг. осветил известный индийский буржуазный историк Р. Ч. Маджумдар в трехтомной монографии «История освободительного движения в Индии» [14, т. 2, с. 511—533; т. 3, с. 1—190].

Автор отвел главное место в организации борьбы народных масс против английских империалистов в 1918—1922 гг. Национальному конгрессу. ИНК рассматривался им как некая надклассовая организация, объединившая в своих рядах все слои индийского общества и выражавшая стремление народа к свободе и независимости. В ряде мест Р. Ч. Маджумдар, значительно преувеличивая, даже именуется его «революционной организацией», «единственной партией, которая могла добиться независимости страны» [14, т. 3, с. 189—190]. В работе подробно описывается борьба различных течений и группировок внутри Конгресса в 1918—1922 гг., излагаются их программные требования. Причем здесь автор игнорирует социальные требования представителей народных низов в ИНК, искажая тем самым смысл острой внутрипартийной борьбы.

Много внимания уделено анализу взглядов и деятельности лидеров ИНК, особенно М. К. Ганди, который в 1920 г. возглавил движение несотрудничества. Р. Ч. Маджумдар воздал должное заслугам М. К. Ганди в освободительном движении, привел множество данных, свидетельствующих о его большой популярности в народе. Вместе с тем явно прослеживается идеа-

лизация в оценке деятельности последнего как лидера ИНК и национально-освободительного движения. Автор не учитывал объективные факторы, вызывавшие подъемы и спады в антиимпериалистической борьбе, ставя освободительное движение в прямую зависимость от личных качеств его идеолога и руководителя.

По его мнению, успех или неудача движения, возглавляемого Конгрессом, всецело зависели от руководящих действий М. К. Ганди, а тот не всегда оказывался на высоте. Поэтому причины поражения народных масс в 1918—1922 гг. Р. Ч. Маджумдар свел почти исключительно к ошибочной тактике М. К. Ганди. Арест же его в марте 1922 г. явился якобы невосполнимой утратой для движения, которое «концентрировалось вокруг одной личности» [14, т. 2, с. 162]. Преувеличивая роль М. К. Ганди в деятельности ИНК, автор в ряде мест вообще сосредоточил все внимание на положительных или отрицательных качествах его личности, порой забывая о Конгрессе, народных массах, других партиях и организациях.

Р. Ч. Маджумдар стоит на идеалистических позициях в понимании исторического процесса, не придает значения экономическим факторам, не видит наличия классовой борьбы в индийском обществе в начале 20-х годов; решающую роль в исторических событиях он отвел не народным массам, а отдельным личностям, партиям и политическим учреждениям. К сказанному следует добавить тенденциозное освещение автором индусско-мусульманских отношений, стремление показать в невыгодном свете участие мусульман в антиколониальной борьбе, искаженное толкование причин обострения религиозной розни в начале 20-х годов.

Говоря в целом об индийской буржуазной историографии, можно сделать вывод о том, что она накопила большой фактический материал по истории национально-освободительного движения 1918—1922 гг., но не сумела объяснить глубинные социально-экономические и политические процессы, происходившие в Индии после победы Великой Октябрьской социалистической революции в России и обусловившие это движение. Буржуазные авторы совершенно не занимались такими принципиальными вопросами, как характер движущих сил движения и расстановка классовых сил в нем. Основываясь на буржуазной методологии, они не смогли дать научного объяснения причин поражения антиимпериалистического движения 1918—1922 гг. и его места в истории борьбы индийского народа за свое освобождение от иностранного гнета.

Глубокий и всесторонний анализ социально-экономического и политического развития Индии после первой мировой войны, четкая классовая оценка различных течений в национально-освободительном движении даются в работах индийских исследователей-марксистов. Хотя в индийской марксистской

историографии проблемы освободительной борьбы 1918—1922 гг. специально не рассматривались, но они затрагивались в связи с освещением других вопросов, в той или иной мере связанных с ними.

В трудах видного индийского историка-марксиста Х. Мукерджи [16; 17] определены социально-экономические и политические причины движения 1918—1922 гг., его движущие силы, классовые позиции основных течений, боровшихся за руководство Конгрессом, показаны причины его поражения и значение. Автор осветил позиции различных социальных сил в ходе освободительной борьбы, подчеркнул массовый, народный характер национально-освободительного движения, показал решимость народа бороться за полное освобождение от иностранного господства.

К 100-летию юбилею М. К. Ганди Национальный совет КПИ издал сборник, в котором помещены статьи видных индийских исследователей-марксистов, освещающие различные аспекты политической деятельности и мировоззрения М. К. Ганди [22]. Касаясь деятельности М. К. Ганди в 20-е годы, авторы уделили внимание и проблемам социально-экономического и политического развития Индии в тот период, расстановки классовых сил в ходе антианглийских выступлений, проанализировали позиции национальной буржуазии в освободительной борьбе, коснулись вопроса о прекращении движения несотрудничества в 1922 г. и др. Публикация сборника явилась важным событием в развитии индийской марксистской историографии национально-освободительного движения.

Большое значение в этом отношении имело издание документов по истории коммунистического движения в Индии. В предисловии и комментариях Г. Адхикари к первому тому документов [2] кратко освещены все проблемы, связанные с возникновением, ходом и поражением антиимпериалистического движения 1918—1922 гг. Весьма важен анализ Г. Адхикари характера, движущих сил и основных этапов движения, позиций в нем национальной буржуазии, оценка деятельности ИНК и его руководителей, мировоззрения М. К. Ганди, Ч. Р. Даса и других национальных лидеров, программных документов различных течений конгрессистов. Здесь также показано участие индийских коммунистов в освободительной борьбе и их отношение к движению несотрудничества, возглавляемого национально-буржуазными силами в лице Национального конгресса.

Таким образом, индийская марксистская историография внесла свой посильный вклад в разработку проблем антиимпериалистического движения 1918—1922 гг. В отличие от буржуазных авторов, исследователи-марксисты в немногочисленных трудах по этой тематике дали анализ социально-экономического развития Индии, осветили ряд важных аспектов истории

антиколониальной борьбы, которые буржуазные исследователи не освещали, в частности борьбу народных масс, участие различных классов и социальных сил в освободительном движении, дали марксистскую оценку взглядов и деятельности М. К. Ганди, рассмотрели проблемы рабочего и коммунистического движения.

Анализ индийской историографии в целом дает возможность утверждать, что в ней в общих чертах исследовано освободительное движение 1918—1922 гг. Однако до сих пор еще не написан обобщающий фундаментальный труд по его истории. Такие важные вопросы, как деятельность местных организаций ИНК, их социальный состав, социально-экономические и политические программы различных течений, принимавшие участие в борьбе с английскими империалистами, и некоторые другие еще не нашли достаточного освещения. Всестороннее исследование этих проблем поможет более глубокому анализу исторического значения антиимпериалистического движения 1918—1922 гг. как важной составной части революционной борьбы народов колониальных и зависимых стран, развернувшейся под влиянием идей Великой Октябрьской социалистической революции.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч. 2. *Documents of the History of the Communist Party of India, vol. 1*—New Delhi, 1971.—640 p. 3. Bose S. C. *The Indian struggle, 1920—1934.*—London, 1935.—353 p. 4. Kelkar N. C. *A passing phase of politics.*—Poona, 1925.—266 p. 5. *Krishnadas D. Seven months with Mahatma Gandhi.*—Calcutta, 1928.—471 p. 6. *Rai L. L. Unhappy India.*—Calcutta, 1928.—565 p. 7. *Aggarwala R. N. National movement and constitutional development of India.*—Delhi, 1956.—512 p. 8. *Buch M. A. The development of Contemporary Indian political thought, in 3 vs.*—Baroda, 1938—1940. 9. *Chatterji N. L. India's freedom struggle.*—Allahabad, 1958.—166 p. 10. *Das Gupta H. Deshbandhu Chittaranjan Das.*—Delhi, 1960.—234 p. 11. *Dwarkanadas K. India's fight for freedom.*—Bombay, 1966.—480 p. 12. *Gupta D. Indian National movement.*—Delhi, 1970.—291 p. 13. *Mahajan V. D. The nationalist movement in India.*—New Delhi, 1976.—XVI+428 p. 14. *Majumdar R. C. History of the freedom movement in India, in 3 vs.*—Calcutta, 1963. 15. *Mehrotra S. R. Towards freedom and partition.*—New Delhi, 1979.—VI+322 p. 16. *Mukerjee H. India struggles for freedom.*—Bombay, 1948.—239 p. 17. *Mukerjee H. Gandidji. A study.*—Calcutta, 1958.—215 p. 18. *Ramana Rao M. V. A short history of the Indian National Congress.*—Delhi, 1959.—355 p. 19. *Sinha S. Indian independence in perspective.*—London, 1964.—311 p. 20. *Sitaramayya B. P. The history of the Indian National Congress, in 2 vs.*—Bombay, 1947, 21. *Tendulkar D. G. Mahatma, in 8 vs.*—Bombay, 1951—1954. 22. *The Mahatma. A marxist Symposium.*—Bombay, 1969.—136 p.

Поступила в редколлегию 05.10.81.

ДВОРЯНСКОЕ ЗЕМЛЕВЛАДЕНИЕ НА ЛЕВОБЕРЕЖНОЙ УКРАИНЕ
В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX В.

Анализ закономерностей, обусловивших вызревание предпосылок буржуазно-демократической революции в России и ее перерастание в социалистическую, тесно связан с изучением эволюции дворянского землевладения — основы сохранения полукрепостнических пережитков в стране. Этим в значительной степени объясняется наблюдающийся в последнее время повышенный интерес советских историков и экономистов к истории дворянства.

Методологической основой исследования являются работы классиков марксизма-ленинизма. К. Маркс, благодаря русским источникам, получил богатый материал для разработки теоретических проблем, связанных с переходом от феодализма к капитализму и с перспективами революции в нашей стране. В частности, он внимательно изучил «Статистику поземельной собственности и населенных мест Европейской России». К материалам земельных переписей неоднократно обращался и В. И. Ленин. Так, в работе «Аграрный вопрос в России к концу XIX века», сравнив данные обследований 1877 и 1905 гг., он сделал вывод, что и в начале XX в. латифундии, преимущественно дворянские, были отличительной чертой русского частного землевладения [1, т. 17, с. 62]. В. И. Ленин считал помещичье землевладение главным тормозом всего социально-экономического развития страны.

Земельные отношения на Левобережной Украине периода капитализма стали объектом пристального внимания многих исследователей уже в дореволюционное время. Значительная часть литературы принадлежит перу земских статистиков, стремившихся, возможно, полнее отразить социально-экономические условия отдельных губерний, уездов, волостей. Однако классовая ограниченность не позволила им правильно определить сущность многих изучаемых процессов и наметить радикальные пути решения аграрного вопроса. Тем не менее в трудах М. В. Рклицкого, А. А. Русова, В. И. Мезенцова и других [9; 10; 5] содержится ценный фактический материал, имеется немало удачных наблюдений, в частности относительно причин сокращения дворянского землевладения.

Начало конкретному изучению дворянского землевладения на Украине советскими историками положил во второй половине 50-х годов Л. М. Иванов. По материалам переписей 1877 и 1905 гг. он исследовал распределение земли между основными группами землевладельцев различных сословий [2]. В последующем этим вопросом занимались В. П. Теплицкий, П. П. Теличук [14; 13] и другие историки аграрных отношений, однако

пока еще он изучен недостаточно. Исследователи, как правило, останавливались на погубернском анализе, а сведения по отдельным уездам приводились лишь в качестве иллюстраций.

В настоящей статье сделана попытка рассмотреть поуездное размещение, а также структуру дворянского землевладения на Левобережной Украине на материалах переписей Центрального статистического комитета (ЦСК) 1877—1878, 1887 и 1905 гг. [15—21]. Кроме публикаций ЦСК использованы также сохранившиеся первичные материалы последней переписи по Харьковской губернии [22, ф. 1290, оп. 6, д. 92]. Это позволило провести пересчет таблиц по методике, принятой в 1877 г., и внести некоторые поправки в данные 1905 г. К сожалению, аналогичные материалы по Полтавской губернии сохранились не полностью, а по Черниговской имеются лишь фрагменты [22, ф. 1290, оп. 6, д. 68—74, 93].

Недостатки земельных переписей ЦСК отмечали многие исследователи [10, с. 207—213; 9, с. 270, 303; 11, с. 28—45; 12]. Так, по первому обследованию общая площадь землевладения в Черниговской губернии оказалась на 946891 дес. менее действительной ее величины (почти на 20%) [10, с. 207]. Особенно велик был недоучет земель на юге губернии — в Борзенком, Глуховском, Козелецком, Кролевецком, Остерском и Сосницком уездах. Если в 1887 г. перепись регистрировала все земли, то в 1877 и 1905 гг. главным образом удобные. Для большей сопоставимости этих данных целесообразно вычесть неудобные земли из переписи 1887 г. Именно так поступили составители «Статистики землевладения 1905 г.», подводя итоги по каждому выпуску [18, с. 36; 19, с. 42; 20, с. 42].

К 1905 г. удельный вес дворянского землевладения снизился повсеместно, но по уездам сокращение было неодинаковым. Если принять площадь дворянского землевладения на Левобережной Украине в 1877 г. за 100, то к 1887 г. она уменьшилась до 86,6, а к 1905 г. — до 60,5 (табл. 1). Картографирование указанного явления показало, что на востоке Черниговской губернии дворянские земли сокращались медленнее, чем на западе, в Полтавской губернии наиболее устойчивым оказалось землевладение в центре, а также в уездах, граничивших с Киевской губернией, а в Харьковской — устойчивость убыль приходится на северо-запад и юго-восток исследуемого региона.

Наименьшее сокращение дворянских земель наблюдается в Сумском, Глуховском, Ахтырском, Лебединском и Мглинском уездах. За исключением последнего, в них было сильно развито свеклосахарное производство, как и в соседних уездах Курской губернии. Еще в дореформенный период здесь было немало вотчинных винокуренных и свеклосахарных заводов. Местные помещики после отмены крепостного права быстрее приспособились к капитализму и меньше других пострадали

Таблица 1. Сокращение дворянского землевладения на Левобережной Украине в 1877—1905 гг.

Уезд	1887 г.	1905 г.	Уезд	1887 г.	1905 г.	Уезд	1887 г.	1905 г.
Гадячский	98,0	67,7	Ахтырский	80,7	91,2	Борзенский	90,0	68,7
Зеньковский	81,5	59,8	Богодуховский	87,1	64,7	Глуховский	104,8	94,7
Золотоношский	90,8	74,9	Валковский	96,9	53,0	Городнянский	83,7	50,7
Кобелякский	84,0	48,0	Волчанский	89,4	68,8	Козелецкий	85,1	39,8
Константиноградский	79,8	52,5	Змиевский	71,8	45,8	Конотопский	82,7	52,4
Кременчугский	83,8	73,1	Изюмский	79,6	42,8	Кролевецкий	91,9	73,6
Лохвицкий	87,4	57,3	Купянский	93,4	53,0	Мглинский	93,6	78,0
Лубенский	84,0	62,9	Лебединский	90,8	78,1	Нежинский	93,5	44,7
Миргородский	91,2	74,0	Старобельский	76,8	53,6	Новгород-Северский	93,9	62,0
Переяславский	90,8	66,3	Сумской	100,4	99,4	Новозыбковский	65,1	41,6
Пирятинский	86,1	62,2	Харьковский	100,8	74,6	Остерский	81,0	59,6
Полтавский	88,5	64,0				Сосницкий	93,0	55,0
Прилукский	88,3	64,3				Стародубский	93,4	63,7
Роменский	86,3	54,1				Суражский	84,2	49,2
Хорольский	89,5	68,9				Черниговский	82,2	47,0
Полтавская губерния	86,5	62,5	Харьковская губерния	85,5	61,1	Черниговская губерния	88,3	58,4
Левобережная Украина	86,6	60,5						

в период аграрного кризиса. Не случайно К. Маркс, изучая русские источники, обратил внимание на владельцев свекловичных плантаций и сахароваров, являвшихся пионерами русского капитализма в земледелии [3, с. 316]. В. И. Ленин отмечал, что «переработка свекловицы в сахар еще сильнее сконцентрирована в крупных капиталистических предприятиях, чем винокурение, и составляет принадлежность точно так же помещичьих (и главным образом дворянских) имений» [1, т. 3, с. 288].

Интересно, что дворянское землевладение увеличилось в 1877—1887 гг. в Сумском, Глуховском* и Харьковском уездах, а в 1887—1905 гг. — в Ахтырском уезде. В последнем в 1877 г. никто из дворян не имел свыше 10000 дес. земли, а среди купцов был один, которому принадлежало 13211 дес. В 1905 г. у купцов таких имений уже нет, зато появляется дворянское имение в 18103 дес. (Тростянецкое имение Л. Е. Кёнига, который в 1877 г. числился в купеческом сословии, а впоследствии стал дворянином). Это не единственный случай. В 1872 г. дворянство получили Терещенко, в 1901 г. — П. И. Харитоненко [7, с. 20]. Перешел в высшее сословие сын купца П. З. Виноградов. Все они скупали дворянские имения с чисто предпринимательскими целями. В 1905 г. И. И., Н. М. и П. И. Харитоненко, наследникам Л. Е. Кёнига и П. З. Виноградову принадлежало в Харьковской губернии 61090 дес. земли, причем 96,8% этой площади приходится на Сумской, Лебединский, Ахтырский и Богодуховский уезды.

Таким образом, для большей сопоставимости переписей необходимо учитывать наличие «нового дворянства». За вычетом этой категории земель уровень 1905 г. составил по сравнению с 1877 г. в Ахтырском уезде — 41,6, Богодуховском — 49,9, Валковском — 50,9, Лебединском — 73,2, Сумском — 85,5, Харьковском — 73,8. Таким образом, даже без «нового дворянства» в трех последних уездах удельный вес дворянского землевладения был высоким.

Переписи фиксировали в рубрике «дворяне» не только потомственных и личных дворян, но и всех чиновников и офицеров. Наследники этих землевладельцев, не имевшие дворянства, переходили в низший разряд, а затем, в результате продвижения в чинах, могли получить личное, а иногда и потомственное дворянство. Все это влияло на изменение площади учтенных земель.

Важно изучение структуры дворянского землевладения. По уездным подсчетам среднего размера имений показывают, что наиболее мелкие владения дворян в 1877—1905 гг. были в южной части Черниговской губернии (Черниговский, Сосницкий,

* По Глуховскому уезду в 1877 г. много земли не было учтено. По нотариальным данным, землевладение дворян за этот период сократилось [10, приложения, с. 48, 80].

Т а б л и ц а 2. Распределение дворянского землевладения по размерам владений
в 1877—1905 гг.

Группы владений, дес.	1877 г.				1905 г.				В среднем, дес.		Сокращение	
	число владель-цев		количество земли		число владений		количество земли		1877 г.	1905 г.	дес.	%
		%	дес.	%		%	дес.	%				
Полтавская губерния												
1—100	7541	74,0	206475	12,0	8083	83,2	152539	14,1	27,4	18,9	53936	26,1
101—500	1967	19,3	440880	25,5	1197	12,3	267822	24,8	224,1	223,7	173058	39,3
св. 500	679	6,7	1079418	62,5	438	4,5	659690	61,1	1589,7	1506,1	419728	38,9
Итого	10187	100	1726773	100	9718	100	1080051	100	169,5	111,1	646722	37,5
Харьковская губерния												
1—100	1756	51,6	59378	4,4	1243	56,4	38430	4,8	33,8	30,9	20948	35,3
101—500	968	29,0	249109	18,5	596	27,1	148305	18,3	252,6	248,8	100804	40,5
св. 500	661	19,4	1036549	77,1	363	16,5	621641	76,9	1568,2	1712,5	414908	40,0
Итого	3403	100	1345036	100	2202	100	808376	100	395,2	367,1	536660	39,9
Черниговская губерния												
1—500	5367	74,5	152574	11,3	6564	84,3	123815	15,7	28,4	18,9	28759	18,8
101—500	1306	18,1	290863	21,5	902	11,6	200474	25,4	222,7	222,3	90389	31,1
св. 500	529	7,3	908423	67,2	323	4,1	465150	58,9	1717,2	1440,1	443273	48,8
Итого	7202	100	1351860	100	7789	100	789439	100	187,7	101,4	562421	41,6

Кролевецкий, Конотопский, Борзенский, Нежинский и Остерский уезды), а также в большинстве уездов Полтавской губернии (Роменский, Лубенский, Лохвицкий, Миргородский, Зеньковский, Золотоношский, Кобелякский, Переяславский, Гадячский). В этих уездах мелкое землевладение (до 100 дес.) в 1905 г. составляло свыше 15% всех дворянских земель, а в Черниговском, Борзенском и Зеньковском — даже свыше 25. Это объясняется историческими особенностями: во второй половине XVIII в. малороссийскую казачью старшину причислили к дворянству. Подавляющее большинство этих новых дворян были мелкими землевладельцами. Их потомки в Полтавской губернии даже в 1898 г. составляли 57,8, а в Черниговской (в 1901 г.) — 47,8% дворян [4, с. 32, 34].

Наиболее высокие средние размеры имений были в Константиноградском уезде Полтавской губернии, в Суражском уезде Черниговской и в большинстве уездов Харьковской губернии.

Сведения об удельном весе мелкого (1—100 дес.), среднего (101—500) и крупного землевладения (свыше 500 дес.) представлены в табл. 2, из которой видно, что в 1877—1905 гг. измелчание землевладения происходило во всех группах, причем больше всего земли потеряли крупные землевладельцы. Абсолютные потери были наибольшими в Полтавской губернии — 646722 дес., но процент сокращения был здесь наименьшим — 37,5%. Относительное же сокращение было максимальным в Черниговской губернии — 41,6%. Дворяне распродавали прежде всего бездоходные и мало доходные имения. В Черниговской губернии ценность земли была ниже, чем в Полтавской и Харьковской, а потому и процент сокращения земель был выше.

Средние размеры владений уменьшились везде, кроме латифундистов Харьковской губернии. Сохранившиеся первичные материалы переписи 1905 г. позволили сделать пересчет по методике, принятой в 1877 г.: на одного мелкого землевладельца Харьковской губернии приходилось 31,2 дес., среднего — 249,2 и крупного — 1753,9 дес. Заметное увеличение по сравнению с данными таблицы произошло только в последней группе.

Таким образом, дворянское землевладение и в 1905 г. носило латифундиальный характер — крупным землевладельцам принадлежало 2/3 всех дворянских земель Левобережной Украины. Изменения в структуре этой группы за 1877—1905 гг. показаны в табл. 3.

Как видно из табл. 3, процент сокращения был наименьшим в группе крупнейших землевладельцев: в Полтавской губернии — 32,7%, в Харьковской — 22,6, в Черниговской — 25,4%. В четырех случаях выросла средняя величина владения. Только в Черниговской губернии концентрация не прослеживается ни в одной группе.

В действительности же средние размеры в 1905 г. были выше, чем указано в табл. 3, так как одному владельцу могло

Таблица 3. Структура крупного дворянского землевладения в 1877—1905 гг.

Группы владений, дес.	1877 г.		1905 г.		В среднем, дес.		Сокращение	
	число владений	количество земли, дес.	число владений	количество земли, дес.	1877 г.	1905 г.	дес.	%
Полтавская губерния								
501—1 тыс.	365	257952	253	177304	706,7	700,8	80648	31,3
1—5 тыс.	291	571299	176	337392	1963,2	1917	233907	40,9
5—10 тыс.	13	83190	4	32573	6399,2	8143,2	50617	60,8
св. 10 тыс.	10	166977	5	112421	16697,7	22484,2	54556	32,7
Харьковская губерния								
501—1 тыс.	324	231090	171	122212	713,2	714,7	108878	47,1
1—5 тыс.	312	589137	174	340246	1888,3	1955,4	248891	42,2
5—10 тыс.	19	120614	13	85065	6348,1	6543,5	35549	29,5
св. 10 тыс.	6	95708	5	74118	15951,3	14823,6	21590	22,6
Черниговская губерния								
501—1 тыс.	282	199406	185	128547	707,1	694,8	70589	35,5
1—5 тыс.	221	491885	126	230069	2225,7	1825,9	261816	53,2
5—10 тыс.	21	132842	7	43679	6325,8	6239,9	89163	67,1
св. 10 тыс.	5	84290	5	62855	16858	12571	21435	25,4
Итого по региону	1869	3024390	1124	1746481	1618,2	1553,8	1277909	42,3

принадлежать несколько имений. Пересчет материалов по Харьковской губернии показал, что во всех группах дворян, имевших до 5 тыс. дес., средние размеры владений практически не изменились, зато в двух высших возросли соответственно до 6964,4 и 15380,4 дес.

У крупных землевладельцев нередко были владения в разных уездах и губерниях. Так, по данным переписи 1905 г., граф Г. И. Рибопьер имел одно имение в Харьковской губернии (15586 дес.), а А. Д. Строганова — два (14485 и 2169 дес.). Всего же, по подсчетам Л. П. Минарик, Г. И. Рибопьеру принадлежало в разных губерниях 52479 дес., а А. Д. Строгановой и ее мужу — 53080 дес. [7, с. 17].

Если же учесть, что дворяне владели лучшими, наиболее ценными землями, то их реальные богатства были еще выше. Н. А. Проскуракова сравнила стоимость дворянских земель по отдельным регионам Европейской России и установила, что Левобережная Украина переместилась по этому показателю за 1877—1905 гг. с шестого на четвертое место [8, с. 64]. Это свидетельствует о том, что стоимость земли здесь возрастала быст-

рее, чем по Европейской России в целом. Развитие капитализма в сельском хозяйстве сопровождалось значительным ростом земельных цен, что было выгодно дворянству и затрудняло приобретение земли крестьянами.

Таким образом, накануне революции 1905—1907 гг. земля по-прежнему оставалась основой могущества дворян. В 22 уездах из 41 им принадлежало 20—40,8% всего земельного фонда. Хотя в исследуемом регионе численно преобладали мелкопоместные владельцы, их доля была ничтожной по сравнению с латифундистами, которым принадлежало 2/3 всех дворянских земель. В то же время крестьянство все острее нуждалось в земле. Это делало неизбежной революционную борьбу за ликвидацию прежде всего помещичьих латифундий. Ломка старого землевладения стала объективной необходимостью.

Список литературы: 1. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 3, 17. 2. Иванов Л. М. Распределение землевладения на Украине накануне революции 1905—1907 гг. — Ист. зап., 1957, т. 60, с. 176—214. 3. Конюшая Р. П. Карл Маркс и революционная Россия. — М.: Политиздат, 1975.—440 с. 4. Корелин А. П. Дворянство в пореформенной России, 1861—1904 гг.: Состав, численность, корпоративная организация. — М.: Наука, 1979.—304 с. 5. Мезенцов В. И. Доходность частного землевладения в Харьковской губернии. — Харьковский сборник: Литературно-научное приложение к «Харьковскому календарю» на 1897 г.— Харьков, 1897, вып. 11, с. 1—248. 6. Минарик Л. П. «Статистика землевладения 1905 года» как источник по изучению крупного помещичьего землевладения России в начале XX века. — В кн.: Малолетованные источники по истории СССР XIX—XX вв.: Источниковедческий анализ. М.: Наука, 1964, с. 56—73. 7. Минарик Л. П. Экономическая характеристика крупнейших земельных собственников России конца XIX — начала XX вв.: Землевладение, землепользование, система хозяйства. — М.: Сов. Россия, 1971.—144 с. 8. Проскуракова Н. А. Размещение и структура дворянского землевладения Европейской России в конце XIX — начале XX века. — История СССР, 1973, № 1, с. 55—75. 9. Рклицкий М. В. Землевладение в Полтавской губернии. — В кн.: Статистический ежегодник Полтавского губернского земства на 1904 год. Год 8-й. Полтава, 1904, с. 269—406. Приложения, с. 42—71. 10. Русов А. А. Описание Черниговской губернии, т. 1.—Чернигов, 1898.—668 с. разд. паг. 11. Святловский В. В. Мобилизация земельной собственности в России (1861—1908). 2-е изд., пересм. и доп.—СПб., 1911.—152 с. 12. Тарасюк Д. А. Поземельная собственность пореформенной России: Источниковедческое исследование по переписи 1877—1878 гг.— М.: Наука, 1981.—128 с. 13. Теличук П. П. Економічні основи аграрної революції на Україні. — К.: Вид-во Київ. ун-ту, 1973.—189 с. 14. Теплицкий В. П. Реформа 1961 року і аграрні відносини на Україні (60—90-ті роки XIX ст.). — К.: Вид-во АН УРСР, 1959.—307 с. 15. Главнейшие данные поземельной статистики по обследованию 1887 года, вып. 33. Полтавская губерния. — СПб., 1895.—15, 23 с. 16. То же., вып. 46. Харьковская губерния. — СПб., 1893.—15, 19 с. 17. То же., вып. 48. Черниговская губерния. — СПб., 1895.—15, 23 с. 18. Статистика землевладения 1905 г., вып. 33. Харьковская губерния. — СПб., 1906.—[3].—53 с. 19. То же., вып. 47. Черниговская губерния. — СПб., 1906.—[3].—60 с. 20. То же., вып. 48. Полтавская губерния. — СПб., 1906.—[3].—59 с. 21. Статистика поземельной собственности и населенных мест Европейской России, вып. 3. Губернии малороссийские и юго-западные. — СПб., 1884.—[11].—218 с. 22. Центральный государственный исторический архив СССР.

Поступила в редколлегия 13.10.81.

**РОССИЯ И СЕРБИЯ КОНЦА 70-х — НАЧАЛА 80-х ГОДОВ XIX в.
В РУССКОЙ МЕМУАРИСТИКЕ, ДНЕВНИКАХ И ЛИЧНОЙ ПЕРЕПИСКЕ**

В числе источников для изучения балканской политики России и русско-сербских отношений не последнее место занимают мемуары, дневники и личная переписка, поскольку они создавались непосредственными участниками или современниками событий.

В статье анализируются 24 источника, из которых два принадлежат близким ко двору лицам, десять — общественным деятелям различного направления, пять — представителям высшей бюрократии, три — военным, четыре — дипломатам. Такое деление имеет определенную условность, так как многие авторы совмещали различного рода деятельность.

Принадлежа к господствующим классам России, авторы источников выражали их общие интересы. Но в то же время они были носителями взглядов различных группировок в своей среде: от консервативно-монархической до либерально-демократической.

Большая часть мемуаров появилась в первое десятилетие после русско-турецкой войны и Берлинского конгресса 1879 г., явившихся главными событиями того времени.

В мемуарной литературе можно выделить две сюжетные группы. К первой, наиболее обширной, относятся воспоминания, авторы которых дают общую картину различных аспектов политической жизни того времени и оценивают события, не вдаваясь в подробности отношений между Россией и Сербией. Мемуары второй группы более подробно рассматривают двухсторонние отношения, подробно анализируя политику петербургского кабинета в балканском вопросе и его составной части — сербском.

Некоторая сдержанность авторов мемуаров объясняется жесточайшей царской цензурой. Кроме того, они стремились показать свою деятельность в более выгодном свете и обелить политику тех политических кругов, к которым они принадлежали.

Более откровенно писались дневники и эпистолии. Их авторы свободно обсуждали вопросы официальной и неофициальной политики, допускали свои, порой резко отрицательные оценки многих дел, которые решались «верховой властью», то есть царем и его ближайшим окружением, и поэтому были вне критики. Таким образом, дневники и переписка являются важными источниками, показывающими подлинные отношения их авторов, а следовательно, определенных кругов и групп русского общества к важным политическим событиям своего времени.

Интересны в этом плане дневник А. Ф. Тютчевой [24] и воспоминания А. В. Богданович [4], близко стоявших к царскому двору. А. Ф. Тютчева долгое время была фрейлиной жены Александра II императрицы Марии Александровны, а затем вышла замуж за видного деятеля позднего славянофильства И. С. Аксакова. Она явилась свидетелем важных событий в истории России. Дневник заканчивается 1882 годом.

А. Ф. Тютчева подчеркивает роль славянских комитетов в общественной жизни России 70-х годов, показывает их попытку влиять на политику в южнославянском вопросе. Она осуждает Александра III, перешедшего со вступлением на престол от воинственных взглядов периода русско-турецкой войны 1877—78 гг. и Берлинского конгресса к «национальной политике», большой осмотрительности и сдержанности в вопросах внешней политики [24, с. 219—220].

Значительное место в дневнике отведено взаимоотношениям с одним из вдохновителей политического курса Александра III — К. П. Победоносцевым, который вначале был подвержен наивному славянофильскому либерализму, но затем, к сожалению автора, отошел от него. Помимо своего желания А. Ф. Тютчева показывает классовое содержание и ограниченность славянофилов, стремившихся использовать симпатии русского народа к балканским славянам для их объединения под скипетром «всеславянского царя», то есть русского императора [24, с. 225, 230—231].

А. В. Богданович, несмотря на неоспоримость монархических взглядов, скептически относится к деятельности Александра III, который произносит тосты в ущерб России [4, с. 93—100]. Главный объект критики — внешнеполитическое ведомство — «самое жалкое министерство» во главе с Н. К. Гирсом [4, с. 139]. Основная причина недовольства автора — отсутствие твердой славянской политики, а также уступки на международной арене.

Представители общественности критически относились к новому внешнеполитическому курсу Александра III. Умеренный дворянский деятель и публицист А. И. Кошелев в 1882 г. отмечал в своем дневнике: «...нам проповедуют русскую самобытность, а на деле во внешней политике всем уступают» [15, с. 262].

К. Головин также критикует деятельность министерства иностранных дел и его главы Н. К. Гирса [9]. Автор был выразителем взглядов той части русского общества, которая выступала за сближение с Германией и предполагала на этой основе решение всех внешнеполитических дел и прежде всего балканского вопроса [9, с. 155].

Либеральная общественность России не могла простить Александру III закрытие славянских комитетов и безучастное отношение его дипломатии к балканским славянам. Н. Н. Дурново и Г. А. де Воллан сожалеют, что активная роль общест-

венности в вопросах русско-сербских отношений не была по достоинству оценена и поддержана верховной властью [10; 7].

Воспоминания бывшего профессора русской истории Московского университета А. А. Кизеветтера [13] хорошо передают картину жизни русского общества 80-х годов. Он говорит о примитивном подходе Александра III к понятию «национальной политики», которая представлялась ему как закрепление во всех сферах жизни основных начал русской патриархальной старины [13, с. 110]. Высоко оценивая дипломатическую деятельность Н. П. Игнатьева, автор считал, что его политика прямых связей с турецким султаном без оглядки на европейский концерн могла привести к коренным изменениям в жизни балканских славян, которые бы не вышли из под нравственного влияния России [13, с. 118—119].

Видный ученый-правовед и общественный деятель профессор Б. Н. Чичерин критикует либеральную кампанию сочувствия «угнетенным единокровным братьям», называя ее филантропией, которая не может быть основой государственной политики [26, с. 84]. Следовательно, он первым заострил вопрос на выработке реальной политики, приемлемой в отношениях с освобожденными Россией народами, строящими свою государственность. Это, несомненно, ставило его выше остальных представителей российского либерализма.

Князь В. П. Мещерский, издававший газету-журнал «Гражданин» крайне правых настроений, периодически пользовался исключительным влиянием на Александра III [29]. В своих воспоминаниях [17] и регулярно издаваемом политическом дневнике [18] В. П. Мещерский проповедовал энергичную внешнюю политику на востоке, которая была для России вопросом жизни или смерти. Спекулируя на симпатиях русского народа к славянам, он рекомендовал царю возглавить популярное движение освобождения братских народов во имя укрепления устоев самодержавия.

А. С. Суворин занимал более умеренную позицию. Он критиковал российскую дипломатию главным образом не за Берлинский трактат, который дал России разумную передышку, а за отсутствие ясной цели в европейской политике и восточном вопросе [23, с. 52].

Дневник видного панславистского публициста генерала А. А. Киреева содержит обширный материал о внешней политике России, в том числе и о русско-сербских отношениях. Первоначально автор придерживался обычного для своего круга взгляда на Германию, как на естественную союзницу. «Наша внешняя политика в Европе — это один славянский вопрос...», — отмечал он 3 сентября 1881 г., — Hands off от Балканского полуострова — больше нам не о чем хлопотать. Если Бисмарк на это согласен, то нам можно идти с ним рука об руку» [14, с. 3].

В феврале 1882 г. он осуждает генерала Скобелева за антигерманскую речь перед обучающимися в Париже сербскими студентами: «С точки зрения панславизма нам глупо и неразумно ссориться с Германией» [14, с. 52].

Оценивая положение Сербии после перехода короля Милана на проавстрийские позиции, А. А. Киреев отмечал, что положение России в этой стране не безнадежно. Сербию можно вернуть в «лоно России», но для этого нет денежных средств. «Мы нищенствуем, экономничаем и не умеем дать там, где это нужно. Это особенно важно на Востоке, где деньги стоят армий» [14, с. 151].

Талантливый публицист панславистского направления О. А. Новикова доказывала общность интересов России и Англии в делах европейской политики и в балканском вопросе. Она пользовалась большим авторитетом в английских общественно-политических кругах и имела определенное влияние на лидера либералов Гладстона и его ближайших соратников. За это ее называли «депутатом английского парламента от России» [20].

Панслависты ратовали за наступательную политику на Балканах, что могло привести к новым международным осложнениям, к которым царизм не был готов. Александр III, не отказываясь от решения восточного вопроса в подходящее для этого время, в настоящий момент был против всяких потрясений. Не смея критиковать «священную особу» императора, противники этого курса «метали стрелы» в главу его внешнеполитического ведомства. Гирс был дальновидным дипломатом и прекрасно понимал невозможность соглашения с Германией за счет интересов ее союзницы Австро-Венгрии.

Именно такой министр иностранных дел был нужен Александру III для реализации его нового внешнеполитического курса. Тем более, что Гирс, несмотря на внешнюю подавленность личностью царя, умел внушить последнему нужные мысли [27, с. 8—10; 12, с. 354—356].

Наследие представителей высшей бюрократии небезынтересно, в первую очередь, из-за хорошей осведомленности их авторов. Так, дневник председателя комитета министров графа П. А. Валуева — хорошее свидетельство о настроениях «верхов» [5]. Он мрачно оценивает успехи Н. П. Игнатьева в Сан-Стефано, принимает европейский конгресс как объективную необходимость из-за неподготовленности России к новым политическим осложнениям [5, с. 25]. Автор негодует по поводу славянофильских выступлений в защиту славян, считая это сентиментализмом при попустительстве верховной власти [5, с. 27—28, 186]. Идеал Валуева — правительство в «европейском смысле слова», которое было бы в состоянии решать все внешнеполитические проблемы, в том числе и восточный вопрос [5, с. 245].

Исключительное влияние на формирование политического курса Александра III имел обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев. Он принимал участие в воспитании Александра III и Николая II в их бытность наследниками престола — читал курс законовещения. Его опубликованная переписка — единственное такого рода издание, так как большинство эпистолярного наследия других политических деятелей не издано [21].

Переписываясь со своими августейшими корреспондентами, он внушал им мысль о необходимости сильной самодержавной власти, основанной на противоположной западу русской самобытности. Так, в письме к Александру 11 марта 1883 г. он отрицает приемлемость конституционной формы правления, говоря о ее особой опасности для южных славян. В конституционных свободах он видит причины всех бед Сербии и неудачно складывающихся отношений с Россией [21, с. 11, 12]. Он осуждает правителей балканских государств за своекорыстие и отход от России. «Единственный вождь славянских племен, на верность которого можно положиться, — это Николай Черногорский» и т. п. [21, с. 1, 391]. Понимая недейственность одного лишь морального влияния на Балканах, Победоносцев советует Александру обратить внимание на приобретение железных дорог и упрочение экономических позиций России в славянских государствах [21, т. 2, с. 123—126; 22, т. 1, с. 576, 578, 579].

Следовательно, Победоносцев понимал в рамках своей классовой ограниченности задачи капиталистического развития России и выхода ее на внешние рынки. Свидетельством этого является его переписка с крупными финансовыми и промышленными деятелями того времени. И его внешнеполитические рекомендации строились на сочетании реакционных основ самодержавия с интересами развивающегося капитализма.

Политические взгляды начальника главного управления по делам печати Е. М. Феоктистова вполне совпадали с курсом Победоносцева. Но в то же время он довольно резко осуждал беспринципность внешней политики, подчеркивая отсутствие в ней последовательности и осознанности цели [25, с. 220—222].

Е. М. Феоктистов приводит интересные подробности отношений редактора-издателя «Московских Ведомостей» известного реакционера Каткова с Гирсом, которого Александр III периодически ограждал от нападков правых, националистических кругов за такие ценные качества, как исполнительность монаршей воли и сдержанность [25, с. 258—259].

Мемуары С. Ю. Витте не содержат конкретных сведений по русско-сербским отношениям, но дают представление об основах политики Александра III и Николая II в балканском вопросе [6, т. 3].

Военный министр генерал граф Д. А. Милютин оставил интересный дневник, который несколько отличается от литературы подобного жанра, созданной высшими чиновниками. Зани-

мая важный государственный пост, он обладал некоторой независимостью в суждениях по внешнеполитическим делам. Это относится к 1878—1882 гг., когда Милютин вследствие болезни канцлера А. М. Горчакова фактически руководил внешней политикой России.

В отношении южных славян Милютин сначала разделял точку зрения великого князя Константина Николаевича: изгнав турок из Европы, Россия должна бескорыстно устроить их судьбу, объявив об этом в специальном царском манифесте, чтобы избежать кривотолков Европы [19, т. 3, с. 14]. Но под влиянием реальной обстановки он стал предлагать созыв по инициативе России европейского конгресса для подведения итогов войны [19, т. 3, с. 15].

Милютин отрицательно относился к деятельности «катковской партии», которая «имеет весьма невыгодное влияние» на политику и скорбит по поводу гонений на либеральные органы печати [19, т. 4, с. 124].

Представляют интерес дневник генерала Д. Г. Анучина [1] и воспоминания генералов Г. И. Бобрикова [2; 3] и П. А. Гейсмана [8].

Д. Г. Анучин вел дневник во время Берлинского конгресса. Его воспоминания отличаются хорошим описанием военных и дипломатических событий. А время написания — последнее десятилетие XIX в. — канун первой мировой войны — позволяло ему критически оценивать предшествующую политику.

Автор опровергает широко распространенную легенду о том, что переход сербского короля Милана на проавстрийские позиции был спровоцирован невниманием России к сербским интересам при заключении Сан-Стефанского прелиминарного договора и рекомендацией на Берлинском конгрессе обратиться к Австро-Венгрии. По мнению Бобрикова, Милан никогда не был подлинным патриотом своей страны, держал ее в обстановке произвола и ориентировал ее политику, исходя из личных, эгоистических, а не национальных и общеславянских интересов [2, с. 27, 172; 3, с. 62].

Уже в ходе сербско-турецкой и русско-турецкой войн Милан интриговал против русских дипломатических представителей и военных советников, не прислушиваясь должным образом к их мнению, из-за чего сербская армия попадала в тяжелое положение [2, с. 16, 27—27]. Все эти действия сербского монарха были направлены на умаление русского влияния в Белграде.

Бобриков не обходит молчанием крупные просчеты русской политики в отношении Сербии и других государств Юго-Восточной Европы. Прежде всего не были четко выработаны политические и военные соображения, которыми следовало бы руководствоваться русскому правительству. Вследствие этого Россия чуть ли не до первой мировой войны должна была поддерживать принцип *status quo*, противоречащий ее интересам

и фактически закрепляющий иноземное владычество над славянскими народами [3, с. 56, 57].

Автор выступает горячим сторонником союза балканских государств под эгидой России. В нем он видит залог процветания всех его участников, защиты их национальных интересов и общеславянских идеалов [2, с. 163, 180]. «Вообще, — пишет Бобриков, — было весьма трудно отдать себе точный отчет о наших дипломатических намерениях того времени относительно сербского княжества. Все совершаемые нами политические акты что-нибудь отрывали от сербских земельных приобретений» [2, с. 167; 3, с. 84]. «А между тем, — отмечает он в другом месте, — в благоденствии и силе сербской народности мы сами заинтересованы в громадной степени» [3, с. 95]. В завершение политических рассуждений автор призывает, не жалея усилий разума, взглянуть внутрь самой жизни балканских народов, проникнуться их частными интересами и завязать с ними торговую и промышленную связь, которая была бы в состоянии поднять в их глазах престиж России [2, с. 193, 140].

Воспоминания профессора академии генерального штаба генерала П. А. Гейсмана интересны описанием военных действий на Балканах в 1876—1878 гг., в которых он принимал участие [8]. Автор выступает за реформацию христианских владений Турции при поддержке европейского концерна. Этот акт будет означать мирное решение восточного вопроса [8, ч. I, с. 18]. Политический идеал П. А. Гейсмана — полное освобождение всех сербов и объединение их в одно великое государство [8, ч. I, с. 25].

Русские дипломаты различного ранга основное внимание сосредоточивают на показе своей деятельности. Творец Сан-Стефанского договора видный дипломат граф Н. П. Игнатьев осторожно пишет о своих противниках в российских правящих кругах. Русские представители на Берлинском конгрессе упрекаются лишь за уступки при определении границ Сербии и Черногории, которые лишили их возможности самостоятельного существовать. Россия из-за этого должна была отречься от своих естественных союзников на Балканах и утратить там свое влияние [11, с. 41].

Основное внимание автор уделяет разоблачению лицемерия Австро-Венгрии, которая приложила все усилия, чтобы предохранить балканские народы от русского влияния, доказав им, что все то, что они будут иметь, даровано не Россией, а Европой при активной поддержке Вены [11, с. 18—19]. Говоря о политике прошлого, Н. П. Игнатьев отмечает, что Россия не установила политическую цель, к которой надо было неуклонно стремиться, оставаясь равнодушной к европейским событиям, не имеющим отношения к прямым интересам [11, с. 109].

Воспоминания Ю. С. Карцова содержат анализ русской политики за несколько лет. Он отмечает, что после Берлинского кон-

гресса Россия нуждалась в покое и дипломатия должна была его обеспечить [12, с. 20]. Но в качестве вывода заявляет: «Каковы бы ни были соображения внутренней политики, государство, которое наперед заявляет, что оно воевать не будет, тем самым признает свое банкротство во внешних делах» [12, с. 20—21]. Неудачу, постигшую русскую политику в Сербии, он объясняет противоположностью интересов самодержавной России и вкусившего демократических свобод и конституционных порядков сербского народа [12, с. 206].

Обстоятельный дневник начальника канцелярии Н. К. Гирса графа В. Н. Ламздорфа [16] — хороший источник по истории международных отношений 80—90-х годов XIX в. Автор подробно освещает реализацию внешне-политической программы Александра III. Главным тезисом сербского аспекта политики был строжайший запрет вмешиваться во внутренние дела и влиять на внешнюю политику Сербии.

Сдержанность русской официальной политики в отношении Сербии показывает российский посланник в этой стране Р. Р. Розен: «Гирс всегда был противником вмешательства в политические дела славянских государств Балканского полуострова (...). Это вмешательство инспирировалось славянофильской и ультра-патриотической прессой, чему Гирс не был в состоянии сопротивляться...» [28, с. 108].

Преемник Гирса на посту министра князь А. Б. Лобанов-Ростовский более решительно боролся с вмешательством дипломатов в сербские дела, чем и была вызвана замена прежнего российского посланника А. И. Персиани автором рассматриваемых воспоминаний [28, с. 109—110].

Следовательно, мемуары, дневники и эпистолии помогают лучше понять проблемы балканской политики России после Берлинского конгресса, а также атмосферу происходящих событий, передают живой дух эпохи, позволяют вносить коррективы в официальные документы. В то же время необходимо учитывать субъективизм авторов и их склонность к фальсификации тех или иных событий.

Список литературы: 1. *Анучин Д. Г.* Берлинский конгресс 1878 года. (Дневник, веденный на месте Д. Г. Анучиным). — Русская старина, 1912, январь—май. — 32 с. 2. *Бобриков Г. И.* В Сербии. Из воспоминаний о войне 1877—1878 гг. — Спб., 1891.—191 с. 3. *Его же.* Записки, ч. 1, Эпоха войны 1877—1878 гг. — Спб., 1913.—205 с. 4. *Богданович А. В.* Три последних самодержавия. Дневник. — М., Л., 1924.—504 с. 5. *Валуев П. А.* Дневник 1877—1884 гг. — Пг.: Прибой, 1919.—311 с. 6. *Витте С. Ю.* Воспоминания. — М.: Издательство социально-экономической литературы, 1960, т. 1.—555 с.; т. 2.—577 с.; т. 3.—723 с. 7. *Де Воллан Г. А.* Очерки прошлого. — Русская старина, 1916, март—июнь. — 22 с. 8. *Гейсман П. А.* Славяно-турецкая борьба 1876—77—78 гг. и ее значение в истории развития восточного вопроса. Мысли, воспоминания, впечатления. — Спб., 1887, ч. I.—157 с.; 1889, ч. II.—218 с. 9. *Голювин К.* Мои воспоминания (1881—1894 гг.). — Спб., 1910, т. II.—274 с. 10. *Дурново Н. Н.* Воспоминания. — Исторический вестник, 1899, т. 75,

с. 281—312. 11. *Игнатъев Н. П.* После Сан-Стефано. — Пг., 1916.—109 с. 12. *Карцов С.* Семь лет на Ближнем Востоке, 1879—1886 гг. Воспоминания политические и личные. — Спб., 1906.—392 с. 13. *Кизеветтер А. А.* На рубеже двух столетий (Воспоминания 1881—1914 гг.). — Прага, 1929.—390 с. 14. *Киреев А. А.* Дневник. — Отдел рукописей Государственной Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, ф. 126, картон 3, ед. хр. 9. 15. *Кошелев А. И.* Записки Александра Ивановича Кошелева. 1812—1883 гг. — Berlin: V. Behr's Verlag, 1884.—232 с. 16. *Ламздорф В. Н.* Дневник В. Н. Ламздорфа (1886—1890 гг.). — М., Л., 1926.—396 с. 17. *Мещерский В. П.* Мои воспоминания, часть третья (1881—1894 гг.). — Спб., 1912.—414 с. 18. *Его же.* Дневник князя В. П. Мещерского за 1881—1882 гг. — Спб., 1881—1883.—579 с. 19. *Миллюгин Д. А.* Дневник, 1878—1880, т. 3.—323 с.; 1881—1882, т. 4.—204 с., — М.: Изд. Гос. Библиотеки СССР им. В. И. Ленина, 1950. 20. *Новикова О. А.* Депутат от России. Воспоминания и переписка О. А. Новиковой. — Русская старина, 1913, май.—29 с.; 1914, июнь—июль.—62 с. 21. *Победоносцев К. П.* Письма Победоносцева Александру III, том I—II.— М.: Новая Москва, 1925—1926, т. I.—449 с.; т. II.—384 с. 22. *Победоносцев К. П.* и его корреспонденты. Письма и записки, т. I NOVUM REGNUM. Полутом I—II.— М., 1923.—860 с. 23. *Суворин А. С.* Дневник.— М., Пг., 1923.—407 с. 24. *Тютчева А. Ф.* При дворе двух императоров, т. II. Дневник 1855—1882 гг.— М.: М. и С. Сабашниковы, 1929.—430 с. 25. *Феоктистов Е. М.* За кулисами политики и литературы. 1848—1896 гг.— Л.: Прибой, 1929.—428 с. 26. *Чичерин Б. Н.* Воспоминания.— М.: М. и С. Сабашниковы, 1934, т. 4.—371 с. 27. *Erdman A. Von Nikolaj Karlovic Giers riessischer Aussenminister 1882—1895, Eine Politische Biographie.* — Tilsit, 1936.—180 с. 28. *Rosen R. R.* Forty Years of Russian Diplomacy. New York: A. Knopf, 1922, Vol. I.—315 с. 29. *Далин В. М.* Последние Романовы и князь Мещерский.— В кн.: Вопросы истории внешней политики СССР и международных отношений: Сб. статей памяти академика Владимира Михайловича Хвостова.— М.: Наука, 1976, с. 284—293.

Поступила в редколлегия 10.11.81.

Б. К. МИГАЛЬ, д-р ист. наук, Ю. И. ЖУРАВСКИЙ, канд. ист. наук

Д. И. БАГАЛЕЙ КАК ИСТОРИК ХАРЬКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

В 1982 г. исполнилось 125 лет со дня рождения известного украинского историка академика Д. И. Багалея, чья жизнь, научно-преподавательская и общественная деятельность в течение почти полувека была тесно связана с Харьковским университетом. Ему принадлежит более 400 различных работ общим объемом 600 печатных листов. Однако научная деятельность ученого, за исключением нескольких юбилейных публикаций, почти не освещена. В современной советской историографии краткую информацию о научных трудах Д. И. Багалея содержат лишь три небольшие статьи [1—3], справки в энциклопедических изданиях, упоминания в обобщающих исторических и историографических работах. Этого явно недостаточно. И нам представляется вполне своевременным и справедливым замечание проф. А. В. Санцевича о том, что перед историками республики стоят ответственные задачи по созданию обобщающих трудов по украинской историографии всех периодов, а также по отдельным научным проблемам, о творческом пути

выдающихся украинских историков дореволюционного периода, постепенно перешедших на позиции советской историографии, — Д. И. Багалея, И. П. Крипякевича, Д. И. Яворницкого и др. [4, с. 51].

После окончания Киевского университета и защиты магистерской диссертации на тему «История Северной земли до половины XIV столетия» Д. И. Багалея избирается в 1883 г. приват-доцентом, а с 1887 г. — профессором историко-филологического факультета Харьковского университета. Приходу Д. И. Багалея в Харьковский университет активно содействовал выдающийся ученый-филолог, профессор русской словесности А. А. Потебня.

На исторические взгляды ученого значительное влияние оказал его непосредственный учитель В. Б. Антонович. В общественно-политических и исторических взглядах Д. И. Багалея дореволюционного периода преобладали либерально-буржуазные и либерально-народнические концепции с украинофильским уклоном. Но он сумел избежать крайностей буржуазно-националистической концепции истории Украины В. Б. Антоновича. В отличие от украинских буржуазно-националистических историков, Д. И. Багалея в своих многочисленных трудах раскрывал общность интересов украинского, русского и белорусского народов, показывал их тесные взаимосвязи в экономике и культуре.

Необычайно широкими были научные интересы ученого. Его перу принадлежат обобщающие труды по истории России и Украины, исследования по русской и украинской культуре и литературе; курсы лекций и учебные пособия, множество статей, сообщений и заметок по историографии, источниковедению, археологии, исторической географии, архивоведению, историческому краеведению и др. Но в центре научно-исследовательской работы Д. И. Багалея всегда находилась история Слободской Украины, которая, по его словам, «из всех украинских земель была самым тесным образом связана с Москвой; в ее устройстве и культуре мы видим украинскую и русскую стихию, существовавшие рядом одна с другой на ее территории... Я стремился, чтобы научная моя работа, преимущественно над темами из краевой истории Украины, не сделала из меня узкого местного историка, ибо я обрабатывал эти темы в соответствии с требованиями общей исторической методологии в масштабе цельной украинской истории, а также в большой степени и русской истории» [5, с. 3—4]. В трудах по истории Слободской Украины ученый исследовал широкий круг вопросов: политика царского правительства в отношении ее заселения, занятия первых поселенцев, общественно-политическое устройство, быт и нравы населения Слобжанщины, формы землевладения и землепользования, защита границ, устройство защитных линий

и крепостей, строительство городов, характеристика исторических деятелей, история распространения просвещения и т. д.

В тесной связи с общей проблематикой истории Слободской Украины находится большой монографический труд, подготовленный ученым в соавторстве с Д. П. Миллером, «История города Харькова за 250 лет» [7—8]. Основанная на огромном количестве различных, преимущественно архивных, источников, «История Харькова» явилась по существу первой серьезной попыткой осветить все стороны жизни слобожанской столицы, показать ее роль в экономической и культурной жизни русского и украинского народов.

В настоящей статье мы остановимся лишь на характеристике трудов Д. И. Багалея, посвященных дореволюционной истории Харьковского университета, которые логически вплетаются в тематику Слободской Украины. В 1905 г. на заседании, посвященном 25-летию научно-педагогической деятельности ученого, профессор В. П. Бузескул в числе других заслуг юбиляра с особой теплотой и признательностью отмечал его труды по истории университета [9, с. 16]. По нашим подсчетам, Д. И. Багалею принадлежит более 40 публикаций по истории Харьковского университета. В конце XIX — начале XX в. в различных периодических изданиях, сборниках трудов, отдельными брошюрами и книгами вышла серия статей и заметок об открытии университета, его первых шагах и дальнейшей деятельности, биографические очерки о его ученых. В истории университета Д. И. Багалея в первую очередь интересовало влияние этого учебного заведения на развитие общественной и культурной жизни всей южной России, его роль в области просвещения, связи с передовой русской культурой. Почти все труды ученого по истории университета основаны исключительно на неизданных материалах, разысканных автором в местных и столичных архивах, библиотеках, частных собраниях. Значительное место в них отведено деятельности В. Н. Каразина, с именем которого связано учреждение первого на Украине университета. Ему Д. И. Багалея посвятил статьи: «Чем обязан В. Н. Каразину Харьковский университет», «Роль Каразина, Потоцкого и Тимковского в первоначальном устройстве Харьковского университета», «К биографии В. Н. Каразина», «Просветительная деятельность В. Н. Каразина», «Новые данные для биографии В. Н. Каразина» и др. Ученый собрал, отредактировал и опубликовал большой том сочинений, писем и бумаг В. Н. Каразина [10], предварив его обстоятельной вступительной статьей. Все наследие В. Н. Каразина Д. И. Багалея разложил по пяти разделам: политические и статистико-экономические статьи; статьи по технической химии, географии, метеорологии, сельскому хозяйству и домоводству; статьи по истории литературы и просвещения; статьи по филотехническому обществу; письма и бумаги. Материалы тома, равно как

и вступительная статья Д. И. Багалея, представляют В. Н. Каразина человеком широкого кругозора, многогранных интересов, исследователем в различных областях науки и техники, предложившим ряд ценных научных идей, жившим общественными интересами, заботившимся о распространении среди народа полезных и необходимых знаний. Это наиболее полное издание, дающее представление не только о личности и деятельности В. Н. Каразина по созданию университета, но и о его времени.

Д. И. Багалея опубликовал ряд оригинальных, насыщенных новым фактическим материалом историко-биографических работ о видных ученых Харьковского университета, оставивших заметный след в его истории, — И. С. Рижском, И. Ф. Тимковском, Т. Ф. Осиповском, П. П. Гулаке-Артемовском, А. А. Потемне и др. Представляет несомненный интерес очерк Д. И. Багалея о профессоре русской словесности, первом ректоре университета И. С. Рижском (1761—1811 гг.) [11, с. 315—337]. В оценке автора — это человек высоких нравственных качеств, прогрессивных идей, необычайного трудолюбия, большой учености. Он был по-настоящему блестящим преподавателем и незаурядным администратором, руководившим университетом в первые сложные годы его становления (1805—1811 гг.). В Харькове И. С. Рижский опубликовал три руководства: «Опыт риторики» (1805 г.), «Введение в круг словесности» (1806 г.), «Наука стихотворства» (1811 г.), представлявшие в совокупности систематический курс словесности. По полноте сведений, обстоятельности и ясности изложения, отмечал Д. И. Багалея, эти работы Рижского были для своего времени явлением действительно выдающимся. Продолжительное время они были учебными пособиями для студентов университетов России.

Почетное место в исторической галерее деятелей Харьковского университета Д. И. Багалея отводил Т. Ф. Осиповскому (1765—1832 гг.) — выдающемуся математику и мыслителю, ректору университета с 1813 по 1820 г., превосходному преподавателю, который, по словам современников, «весь проникнутый любовью к своему предмету и к своей обязанности, умел для слушателей своих опозтезировать даже дифференциальные и интегральные исчисления» [11, с. 341]. Ему принадлежит трехтомный «Курс математики», неоднократно переиздававшийся и ставший одним из лучших на то время учебников по математике. Т. Ф. Осиповский воспитал целую плеяду ученых-математиков, среди которых академик М. В. Остроградский.

Небезосновательной критической направленностью отличается очерк Д. И. Багалея о П. П. Гулаке-Артемовском (1790—1865 гг.), выпускнике университета 1821 г., его профессоре с 1825 г. и ректоре с 1841 по 1849 г., преподававшем наряду с другими дисциплинами и курс русской истории [11, с. 359—365]. В научной области П. П. Гулак-Артемовский не оставил сколько-нибудь заметного следа. Ссылаясь на воспоминания

многих выпускников университета, Д. И. Багалея отмечал, что в своих лекциях по русской истории П. П. Гулак-Артемовский «большой учености не высказывал», но был большим мастером ораторского искусства. Научному содержанию он предпочитал торжественность и красноречивость изложения, «...говорил очень красно и рассказывал много исторических анекдотов, случаев, повестенок и побасенок и так ловко и занимательно, что все это слушалось легко и с удовольствием» [11, с. 362], но без пользы. К тому же на своих лекциях П. П. Гулак-Артемовский постоянно твердил усвоенные им в совершенстве уваровские принципы православия, самодержавия и народности, составлявшие сущность официально-охранительной концепции русской истории. Вместе с этим Д. И. Багалея дает высокую оценку роли П. П. Гулака-Артемовского в украинской литературе, где он приобрел большую известность своими баснями, одами, балладами и стихотворениями, написанными ярким, образным языком. Особенно отмечает ученый басню «Пан та собака», осуждавшую крайние проявления крепостничества. Д. И. Багалея опубликовал большую подборку неизданных ранее поэтических произведений П. П. Гулака-Артемовского [11, с. 366—395].

Среди работ Д. И. Багалея историко-биографического характера выделяется статья об изгнании в 1816 г. из Харьковского университета профессора философии И. Е. Шада [11, с. 155—301]. Написанная на совершенно неизвестных архивных материалах министерства народного просвещения, эта работа представляет двойной интерес. С одной стороны, в ней рассказывается об интересной личности И. Е. Шада, авторитетного ученого-философа, приехавшего из Германии в 1804 г. по рекомендации И.-В. Гете и Ф.-И. Шиллера, с другой, она характеризует реакционную политику русского правительства в области просвещения. Реакция, пишет Д. И. Багалея во втором десятилетии XIX в., нависла тяжелой свинцовой тучей над просвещением и русскими университетами [11, с. 300]. Поводом к изгнанию И. Е. Шада послужило то, что он якобы недобросовестно отнесся к оценке представленных к защите докторских диссертаций И. Гриневича и П. Ковалевского, умышленно не заметил в них плагиата из собственных сочинений и лекций. Однако действительной причиной преследований И. Е. Шада была его позиция поборника свободы совести и научного творчества, противника всякого рабства, а следовательно, и крепостничества. В явных и тайных доносах на профессора, приведенных в статье, указывалось, что в сочинениях И. Е. Шада имеются оценки, «не сообразные с коренными в нашем государстве понятиями о государевой власти», весьма неприличные упреки существующим в России учреждениям, что сам он следует положениям системы Шеллинга, а «весьма сомнительно, должно ли допустить введение этой системы в России и вкоренение ее в памяти молодых россиян» [11, с. 174—175]. Кроме

того, И. Е. Шад обвинялся в рационализме, выпадах против религии, в обличении монашества, папства и католичества. Понятно, что все эти обвинения и предопределили судьбу профессора. Без объяснения причин власти предложили ему в 24 часа покинуть Россию. Книги же его решено было уничтожить. Д. И. Багалеи писал, что этот акт произвел невыгодное впечатление не только в России, но и в Западной Европе, где его рассматривали как сильнейшее проявление реакции в русских правящих сферах [12, с. 43].

Помимо статей и различных публикаций Д. И. Багалею принадлежат два обширных тома «Опыта истории Харьковского университета» [13—14] и написанный в соавторстве с Н. Ф. Сумцовым и В. П. Бузескулом «Краткий очерк истории Харьковского университета» [12]. Если последний представляет собой сжатое изложение истории университета за сто лет его существования, то первые два тома являются фундаментальным и подробным исследованием, охватывающим время от основания университета по 1835 г. Автор, базируясь на огромном фактическом материале различных архивов и прежде всего Харьковского университета и министерства народного просвещения, последовательно рассмотрел ряд вопросов, характеризующих жизнь университета. Примечательно, что Д. И. Багалеи начал излагать историю университета с показа состояния экономических и культурных условий, определивших собой назревшие требования об открытии именно в Харькове, как центре Слобожанщины, высшего учебного заведения. Этим ученый опровергал официальную точку зрения, приписывавшую открытие университета исключительно воле императора Александра I. Первый том «Опыта» хронологически охватывает 1805—1815 гг. В начальных его разделах автор подтвердил сделанные ранее в многочисленных статьях выводы об инициативе и личном вкладе В. Н. Каразина в дело образования университета. В последующих разделах рассказывается о складывающейся структуре университета, его учебно-вспомогательных учреждениях, педагогической и научной деятельности преподавателей, учебы и быта студентов. Особое место в томе занимают вопросы просветительной деятельности университета, раскрывается его роль в развитии среднего и начального образования в Харьковском учебном округе, включавшем 11 губерний и семь областей юга России, Северного Кавказа и Закавказья.

Во втором томе «Опыта» Д. И. Багалеи рассматривает аналогичные вопросы деятельности университета в 1815—1835 гг. В коллективном кратком очерке история университета в самом общем плане освещена до начала XX в.

История Харьковского университета была практически первым в России опытом написания подобных по характеру и содержанию работ. И не случайно в предисловии ко второму тому «Опыта» автор предупреждает читателей о несовершенстве

структуры и содержания отдельных глав и вопросов исследования [14, с. 2]. Несмотря на авторское предупреждение, читатель и исследователь может почерпнуть богатый фактический материал не только по университетской истории, но и о социально-экономической жизни общества, уровне развития культуры и науки, системе образования в России в период прогрессирующего разложения феодально-крепостнической системы и развития капиталистических отношений.

Как буржуазно-либеральный историк Д. И. Багaley через призму истории университета смог увидеть пороки русского самодержавия, его негативное отношение к развитию народного образования в стране, стремление сдержать и втиснуть отечественную науку в рамки официальных распоряжений и высочайших указов, тормозивших введение всего передового и прогрессивного. Он выступает с критикой реакционной политики министерства народного просвещения, разоблачает мракобесие и некомпетентность отдельных попечителей университета, пытавшихся своими распоряжениями свести на нет и без того ограниченное самоуправление университета.

В то же время в «Опыте» Д. И. Багaley выдвинул надуманную периодизацию истории университета, подчинив ее времени действия различных университетских уставов. Не уделил должного внимания автор влиянию передовой общественной мысли и изменяющихся социально-экономических условий на жизнь университета. Ограничившись только фактами, он рассматривает отдельные студенческие выступления, порожденные движением дворянских революционеров и революционных демократов. Для Д. И. Багaley это всего лишь «волнения», «беспорядки», вызванные репрессивными распоряжениями некоторых представителей администрации. Двухтомный «Опыт истории Харьковского университета» в значительной степени перегружен архивными материалами, подчас недостаточно обработанными. Однако, несмотря на наличие серьезных недостатков, отдельных ошибочных в методологическом отношении оценок и выводов, вытекавших из буржуазно-либерального мировоззрения автора, труды Д. И. Багaley по истории университета не потеряли своего значения и научного интереса и в наши дни.

Нельзя переоценить заслугу ученого в подготовке и публикации юбилейных изданий Харьковского университета. Он являлся главным редактором четырех томов исторических очерков: медицинского [15], историко-филологического [16], физико-математического [17] и юридического [18] факультетов. Эти издания написаны примерно по одному плану и состоят из двух частей — истории факультетов и биографических словарей их профессоров и преподавателей. Большую ценность представляют библиографические указатели трудов ученых соответствующих факультетов.

Интересен также юбилейный сборник «Ученые общества и учебно-вспомогательные учреждения Харьковского университета (1805—1905)» [19], куда вошли материалы по истории университетской фундаментальной библиотеки, музея искусства и древностей, нумизматического кабинета, историко-филологического общества, исторического архива, этнографического музея, общества по изучению природы, физико-математического и медицинского обществ и др.

Д. И. Багалея принадлежал к той части буржуазной интеллигенции, которая после победы Великого Октября постепенно становилась на путь добросовестного сотрудничества с Советской властью, принимая активное участие в научно-преподавательской, культурной и общественной жизни страны. «Культурное строительство в социалистических формах, — писал он, — я не только признал теоретически..., но и принимал живое и энергичное участие в его создании, ибо оно предоставило мне возможность работать одновременно и на пользу науке, приспособленной к жизни украинских трудящихся рабоче-крестьянских масс, а этот стимул являлся ведущей мыслью и в моей предыдущей деятельности, однако не мог развернуться и свободно проявиться при режиме царского самодержавия» [5, с. 127]. Ученый методологически не смог перевооружиться, хотя и заявлял о признании исторического и диалектического материализма, говорил о собственной эволюции от буржуазного украинофильства к пролетарской науке [23, ф. 4], но его многочисленные труды представляют собой большой вклад в историческую науку и с успехом используются современной советской наукой [20—21].

Умер Д. И. Багалея 9 февраля 1932 г. в Харькове. В некрологе, опубликованном в газете «Комуніст», подчеркивалось, что в лице академика Д. И. Багалея наше общество потеряло выдающегося ученого, крупного общественного деятеля, который последние годы своей жизни отдал на службу Советской власти [22, 1932, 11 февр.].

Список литературы: 1. *Бойко І. Д.* До сторіччя з дня народження видатного українського історика Д. І. Багалія. — УІЖ, 1957, № 2, с. 105—109. 2. *Багалій Дмитро Іванович* (1857—1932). — В кн.: Видатні радянські історики. К.: Рад. школа, 1969, с. 16—18. 3. *Комаренко Н. В. Д. І. Багалій* — дослідник життя й творчості Г. С. Сковороди. — В кн.: Григорій Сковорода. Матеріали до відзначення 250-річчя з дня народження. К.: Наук. думка, 1975, с. 70—123. 4. *Розвиток* (історичної думки на Україні за роки Радянської влади. — К.: Наук. думка, 1973. — 254 с. 5. *Ювілейний збірник* на пошану акад. Д. І. Багалія з нагоди 70-ї річниці життя та 50-х роковин наукової діяльності. — К., друк. Укр. Академії Наук, 1927. — 1190 с. 6. *Професор Дмитрій Іванович Багалей*. К тридцятилетней годовщине его учено-педагогической деятельности (1880—1910 гг.). — Харьков, тип. «Печатное дело», 1912. — 82 с. 7. *Багалей Д. И., Миллер Д. П.* История г. Харькова за 250 лет его существования, т. I. — Харьков: Изд-во Харьк. гор. обществ. управы, 1905. — 586 с. 8. *Багалей Д. И., Миллер Д. П.* История г. Харькова за

250 лет его существования, т. II. — Харьков: Изд-во Харьк. гор. обществ. управы, 1912.—973 с. 9. *Профессор Дмитрий Иванович Багалей*. К 25-летней годовщине его учено-педагогической деятельности. — Харьков, тип. «Печатное дело», 1906.—30 с. 10. *Каразин В. Н.* Сочинения, письма и бумаги, собранные и отредактированные проф. Д. И. Багалеем. — Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1910.—973 с. 11. *Сборник Харьковского историко-филологического общества*, т. XX. — Харьков, тип. «Печатное дело», 1911.—624 с. 12. *Багалей Д. И., Сумцов Н. Ф., Бузескул В. П.* Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805—1905). — Харьков, тип. А. Дарре, 1906.—929+XIV с. 13. *Опыт истории Харьковского университета* (по неизданным материалам), т. I. — Харьков, тип. Зильберберга, 1898.—1204 с. 14. *Опыт истории Харьковского университета* (по неизданным материалам), т. II. — Харьков, тип. Зильберберга, 1904.—1136 с. 15. *Медицинский факультет Харьковского университета за 100 лет его существования (1805—1905)*. — Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1905—1906.—313 с. 16. *Историко-филологический факультет Харьковского университета за 100 лет его существования*. — Харьков, тип. А. Дарре, 1908.—VIII+390+XII с. 17. *Физико-математический факультет Харьковского университета за первые 100 лет его существования (1805—1905)*. — Харьков, тип. А. Дарре, 1908.—375+XIX с., 18 табл. 18. *Юридический факультет Харьковского университета за 100 лет его существования*. — Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1908.—309 с. 19. *Ученые общества и учебно-вспомогательные учреждения Харьковского университета (1805—1905)*. — Харьков: Изд-во Харьк. ун-та, 1912.—282 с. 20. *Харьковский Государственный университет им. А. М. Горького за 150 лет*. — Харьков: Изд-во ХГУ, 1955.—386 с. 21. *Харьковский государственный университет. 1805—1980*. Исторический очерк. — Харьков: Вища школа, 1980.—158 с. 22. *Комуніст. Орган ЦК КП(б)У*. 23. *Отдел рукописей Центральной научной библиотеки Харьковского университета*, ф. 4.

Поступила в редколлегию 13.10.81.

В. И. КАДЕЕВ, д-р ист. наук

В. П. БУЗЕСКУЛ КАК ИСТОРИК

24 февраля 1983 г. исполняется 125 лет со дня рождения одного из выдающихся исследователей истории древнего мира, профессора Харьковского университета, академика Академии наук СССР Владислава Петровича Бузескула [1858—1931 гг.]. Его перу принадлежит около 200 научных трудов, в том числе по истории Древней Греции, источниковедению и историографии, получивших мировое признание.

Сам В. П. Бузескул называл себя «доморощенным ученым», указывая, что «всю свою школу он прошел в Харькове; все свои работы написал в Харькове, при помощи своей и университетской библиотеки». Эти его слова, а также постоянный интерес к истории Харьковского университета свидетельствуют о том, что он был большим патриотом своей alma mater.

Будучи учеником М. Н. Петрова — типичного представителя всеобщей истории, В. П. Бузескул не сразу стал историком Древней Греции. Его первая печатная работа была посвящена Мстиславу Удалому [1]. Затем последовали статьи по всеобщей истории [2], немецкой историографии [3; 4], рецензии на

«Всемирную историю» Л. Ранке [5; 6] и многие другие. Окончательно выбор был сделан после публикации Ф. Кенионом папируса с «Афинской политией» Аристотеля.

Много лет В. П. Бузескул посвятил исследованиям истории «Афинская полития как источник для истории государственного строя Афин до конца V в.» [8], «История Афинской демократии» [9]. В них автор выступил как блестящий знаток источников и исторической литературы, противник гиперкритиков и реакционных представителей буржуазной историографии типа Д. Шварца и М. Дункера, отрицавших прогрессивный характер афинской демократии. Сам же В. П. Бузескул несколько идеализировал эту демократию. Будучи представителем умеренно-либеральной буржуазной историографии, он не подчеркивал ее рабовладельческий характер, не раскрывал ее классовую сущность.

Своим главным трудом В. П. Бузескул считал «Введение в историю Греции», который в то время не имел себе равных в мировой науке. Этот фундаментальный обзор разнообразных источников и историографии, выдержавших несколько изданий [10], во многом сохраняет свое значение до настоящего времени. В. П. Бузескул не только прекрасно знал литературные источники, но с живейшим интересом следил за археологическими открытиями за рубежом и в нашей стране. В отличие от некоторых своих коллег, он правильно оценивал их значение при изучении истории древнего мира. Он активно участвовал в работе археологических съездов [11]. Часто публиковал библиографические и историографические обзоры [12; 13], рецензии [14; 15], отклики на важнейшие археологические открытия [16]. В. П. Бузескулу принадлежит ряд важнейших статей по источникам и истории Древней Греции в энциклопедическом словаре Брокгауза-Ефрона. Много внимания он уделял истории Харьковского университета: был одним из авторов труда «Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805—1905)» [17], исследовал научную и преподавательскую деятельность крупных ученых университета — В. Ф. Цыха [18], М. М. Лунина [19], А. М. Ляпунова [20] и др.

Знакомство с трудами В. П. Бузескула дореволюционного периода показывает, что в начале XX в. на его научные взгляды в определенной мере повлияли широко распространенные в то время в буржуазной науке попытки модернизации истории древнего мира. В некоторых трудах Бузескула [21] они наблюдаются как в терминологии, так и в проведении параллелей между античностью и современностью. Однако нельзя согласиться с мнением С. Л. Утченко [22, с. 577] о том, что В. П. Бузескул якобы занимал реакционные позиции во время

революционных событий в Харькове в 1905 г. Это голословное утверждение. Против него свидетельствуют некоторые факты. После событий 9 января 1905 г. В. П. Бузескул был среди членов комиссии Совета университета, состоявшей из либеральных профессоров, подготовившей «Записку» о необходимости приостановить занятия в университете. За это в черносотенном документе «Открытое письмо Харьковским профессорам забастовщикам» он вместе с другими членами комиссии был обвинен в участии в «революционном, противогосударственном» акте, акте «противокультурном» и «непатриотическом». В годы столыпинской реакции В. П. Бузескул опубликовал «Историю Афинской демократии», где показал прогрессивность афинской демократии, т. е. продолжал отстаивать свои либеральные взгляды, высказанные задолго до событий 1905 г. Наконец, мнению С. Л. Утченко противоречат воспоминания самого В. П. Бузескула [23], в которых автор предстает типичным буржуазным либералом, делавшим все от него зависящее, чтобы избежать кровопролития в октябре 1905 г.

После Великой Октябрьской социалистической революции В. П. Бузескул оказался среди тех старых профессоров Харьковского университета, которые стали на путь сотрудничества с Советской властью в культурном строительстве и подготовке специалистов. Сразу после Октября он переиздал «Школьное дело у древних греков по новым данным» [24], «Афинская демократия. Общий очерк» [25] и «Перикл» [26]. Позднее им были подготовлены «Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира», посвященные истории важнейших археологических открытий на Востоке и в Греции. Они позволили во многом пересмотреть древнюю историю этих областей [27]. Наряду с научными исследованиями В. П. Бузескул занимался пропагандой научных знаний среди трудящихся, писал воспоминания, связанные с историей Харьковского университета [28; 29]. Он внимательно следил за археологическими исследованиями в Северном Причерноморье и, по возможности, за рубежом. Об этом свидетельствуют его публикации [30; 31; 32] и доклады 1926 г. — «Изучение древностей северного побережья Черного моря», «Об открытиях на Востоке во время мировой войны и в начале 20 годов». В. П. Бузескул принимал активное участие в первых всесоюзных археологических конференциях в Керчи (1926 г.) [33] и Севастополе (1927 г.) [34].

Незадолго до смерти В. П. Бузескул завершил свой главный историографический труд «Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века», в котором, по его словам, он стремился показать «долю русских ученых, внесенную в общую научную сокровищницу» [35, с. 5]. Это был первый в советской историографии труд такого масштаба (третья часть «Византинология и изучение славянского мира в России» (до 1914 г.), подготовленная к печати, осталась неопубликованной).

Это исследование вызвало справедливую критику в адрес автора со стороны советских историков из-за его методологических позиций, а также ввиду отсутствия исторического фона и характеристики особенностей эпохи. Но вместе с тем академик В. Волгин в свое время отмечал, что «книга Безускула представляет собой богатейшее собрание материалов по истории русской исторической науки... Выполнение такого труда оказалось возможным лишь в силу того, что автор в течение ряда десятилетий внимательно следил за русской исторической литературой. Сейчас очень немногие могли бы за эту задачу взяться и с нею справиться».

В. П. Бузескул до конца жизни оставался на позициях либерального позитивизма. Как историк он оставил заметный след в науке, особенно в истории древнего мира. Некоторые его труды не потеряли своего значения до настоящего времени. Большой интерес представляют исследования ученого по истории Харьковского университета.

Список литературы: 1. *Бузескул В. П.* О занятии Галича Мстиславом Удалым.—Журн. министерства народного просвещения, 1881, № 3, с. 86—92. 2. *Его же.* Папство и Арнольд Брешианский.—Вера и Разум, 1884, № 6, отд. отт.—47 с. 3. *Его же.* Обзор немецкой литературы по истории средних веков.—Харьков, 1885.—38 с. 4. *Его же.* Немецкая историография.—Журн. министерства народного просвещения, 1886, № 5, с. 150—153. 5. *Его же.* Всемирная история Ранке.—Журн. министерства народного просвещения, 1885, № 8, с. 232—246. 6. *Его же.* Шестой том «Всемирной истории Ранке».—Журн. министерства народного просвещения, 1886, № 4, с. 344—362. 7. *Его же.* Перикл. Историко-критический этюд.—Харьков, 1889.—419 с. 8. *Его же.* Афинская политика Аристотеля как источник для истории государственного строя Афин до конца V в.—Харьков, 1895.—484 с. 9. *Его же.* История афинской демократии.—СПб, 1909.—468 с. 10. *Его же.* Введение в историю Греции.—Харьков, 1903.—535 с.; Изд. 2-е, 1904.—529 с.; Изд. 3-е, Пг., 1915.—592 с. 11. *Его же.* О новом источнике для истории Афин V в. до Р. X.—Тр. XII археологического съезда в Харькове.—М., 1905, с. 367. 12. *Его же.* Научная литература по греческой истории за последние годы (1880—1892) в ее главных явлениях.—Филологическое обозрение, 1893, № 4, кн. 2, с. 121—164. 13. *Его же.* Характерные черты научного движения в области греческой истории за последние 30 лет.—Русская мысль, 1900, № 2, с. 58—79. 14. *Его же.* Рецензия на книгу «И. Г. Дройзен. История эллинизма», т. 1—3.—Филологическое обозрение, 1893, № 5, кн. 2, с. 109—116. 15. *Его же.* Рецензия на книгу «Р. Ю. Виппер. Лекции по истории Греции», ч. I.—Журн. министерства народного просвещения, 1905, № 10, с. 405—436. 16. *Его же.* О раскопках Шлимана в Трое, Микенах и Тиринфе.—Филологическое обозрение, 1891, № 1, кн. 1, с. 19—45. 17. *Багалей Д. И., Сумцов Н. Ф., Бузескул В. П.* Краткий очерк истории Харьковского университета за первые сто лет его существования (1805—1905).—Харьков, 1906, с. 244—329. 18. *Бузескул В. П.* О лекциях В. Ф. Цыха, проф. Харьковского университета в 30-х годах прошлого века.—Сб. Харьк. историко-филологич. об-ва, 1910, т. 19, с. 188—194. 19. *Его же.* Профессор М. М. Луин (1806—1844), «Харьковский Грановский». К столетию Харьковского университета.—Журн. министерства народного просвещения, 1905, № 2, с. 321—374. 20. *Его же.* А. М. Ляпунов в Харьковском университете 80-х годов.—Уч. зап. высшей школы г. Одессы, отд. гуманит.-обществ. наук, т. 2.—Одесса, 1922, с. 117—120. 21. *Его же.* Античность и современность.

Современные темы в античной Греции. — СПб., 1913. — 408 с. 22. *Очерки истории исторической науки в СССР*, т. IV. — М.: Изд-во АН СССР, 1966. — 854 с. 23. *Бузескул В. П.* Дни баррикад в Харькове в октябре 1905 г. Личные воспоминания. — *Голос минувшего*, 1917, № 7—8, с. 335—350. 24. *Его же.* Школьное дело у древних греков по новым данным. — Харьков: Союз, 1918. — 32 с. 25. *Его же.* Афинская демократия. Общий очерк. — Харьков: Союз, 1920. — 209 с. 26. *Его же.* Перикл. Личность. Деятельность. Значение. — Пг.: Брокгауз-Ефрон, 1923. — 122 с. 27. *Его же.* Открытия XIX и начала XX века в области истории древнего мира, ч. 1—2. — Пг., 1923—1924. 28. *Его же.* Образы прошлого. Из личных воспоминаний. — *Анналы*, 1923, № 2, с. 228—246. 29. *Его же.* Из истории Харьковского университета второй половины 70-годов прошлого века. — Сб. в честь Д. И. Багалая. — Харьков, 1927, с. 1—14. 30. *Его же.* Открытия в области культуры хеттов и «хеттский вопрос». — *Наука на Украине*, 1922, № 2, с. 29—37. 31. *Его же.* Древнейшие в мире библиотеки и архивы. — *Наука на Украине*, 1922, № 4, с. 215—232. 32. *Его же.* Открытия и научные достижения за последние годы в области истории Древнего Востока. — *Східний світ*, 1927, № 7, с. 120—137. 33. *Его же.* Отчет о командировке в Керчь на археологическую конференцию в сентябре 1926 г. — *Изв. АН СССР*, 1926, с. 1835—1838. 34. *Отчет В. П. Бузескула о командировке в Севастополь и Херсонес в сентябре 1927 г.* — *Изв. АН СССР*, 1927, с. 1723—1726. 35. *Бузескул В. П.* Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века. Материалы, ч. 1—2. — Л.: Изд. АН СССР, 1929—1931.

Поступила в редколлегию 27.11.81.

Л. П. КАЛУЦКАЯ, канд. ист. наук

НОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ СРЕДНЕВЕКОВОЙ КУЛЬТУРЫ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ (1960—1980 гг.)

В последние годы советские медиевисты интенсивно исследуют культуру стран Западной Европы в средние века (V—XV вв.). Можно утверждать, что они обосновали новую концепцию средневековой культуры, существенно отличающуюся от предшествующей, распространенной в нашей науке почти до начала 60-х годов. Новая концепция стала проникать в учебную и научно-популярную литературу [16, с. 405]. Однако достижения советских историков в этой области еще не обобщены, пока продолжает существовать и прежняя, крайне односторонняя оценка культурного развития стран Западной Европы в эпоху феодализма, отражающая пройденный советской наукой этап. Это обуславливает необходимость обстоятельного анализа новой концепции. Рассмотрим ее основные положения.

В первый период развития советской исторической науки, вернее, вплоть до второй мировой войны, появилось немало работ, посвященных частным вопросам средневековой культуры (литература, архитектура, строительное дело, агрикультура, образование, университеты и т. п.). В них было много справедливых замечаний и ценного фактического материала, но обобщенное представление о средневековой культуре складывалось не на их основе. Оно определялось тем резко отрицательным

отношением к господствующему в средние века религиозному мировоззрению, которое отличало, и вполне правильно, советскую историческую науку. Подобное отношение исключало возможность подлинно исторического подхода к этому столь сложному вопросу. В средневековой культуре положительно оценивалось только то, что не несло на себе видимого отпечатка религиозности, так как ученые придерживались тезиса, что средневековая культура развилась вопреки религии и церкви. Но подобный подход исключал возможность трактовки средневековой культуры как исторической целостности, ибо религия в то время не стояла вне культуры.

Наиболее полное выражение прежняя концепция получила в работах Н. А. Сидоровой и вкратце была изложена в вузовском учебнике [15, с. 514—516]. Ее положения заключались в следующем: переход от рабовладельческого строя к феодальному рассматривался в культурном отношении как шаг назад; роль варваров (древних германцев), сокрушивших Западную Римскую Империю, в формировании феодальной культуры трактовалась только в отрицательном плане; совершенно не учитывалось культурное развитие германцев после расселения их на территории Римской Империи; господство религиозного мировоззрения объяснялось низким уровнем культуры раннего средневековья; единственным достижением средних веков считалась культура, возникшая в городах; роль церкви определялась как реакционная в течение всего периода феодализма, ее обвиняли прежде всего в уничтожении античного культурного наследия.

Положительные стороны данной концепции заключались в разработке городской культуры, в обилии материала о реакционной роли церкви (особенно с XI в.), в критике религиозного мировоззрения как такового. Но в популярной литературе средневековье чаще всего оценивалось в духе французских просветителей XVIII в., которые, готовя революцию против феодального строя, полностью отрицали какие-либо культурные достижения средних веков.

Типично в этом плане мнение Б. Горбачевского: «Когда древние цивилизации сошли в могилу, над Западной Европой воцарилась длинная ночь феодального средневековья (V—XVII вв.) (автор не заметил даже эпохи Возрождения). То была эпоха религиозного изуверства и духовного деспотизма «...», почти 12 веков действовал острейший нож церкви, уничтожая и выскабливая из памяти человечества все, что хоть в малейшей степени противоречило церковным догмам» [9, с. 29]. Автор, как и многие другие, убежден, что монахи безжалостно уничтожали произведения античных писателей, используя дорогостоящий пергамент для записи «священных текстов». Однако это убеждение исчезает при изучении таблицы палимпсестов [18, с. 29].

Необычайно сложным оказалось обоснование исторического подхода к культуре средних веков, главным образом из-за характерного для нее религиозного мировоззрения, в оценку которого привносилось отношение к религии из нашей действительности.

Академик С. Д. Сказкин, читавший с 1968 г. в Московском университете курс по истории средневековой культуры, отмечал, что объективное решение вопроса о господствовавшей в средние века христианской идеологии стало возможным только недавно в связи с глубокими переменами в материальной и духовной жизни нашего общества [23, с. 266]. Он сам немало сделал для этого, в частности, обосновав роль христианской церкви в сохранении непрерывности античной традиции и закономерность существования в средние века религиозной идеологии [23, с. 267, 279, 283]. Действительно, по мере углубленного изучения советскими учеными средневековой культуры все более обнаруживалось, что «мы ничего не поймем в ней, если ограничимся соображением, что в ту эпоху царили невежество и мракобесие, поскольку все верили в бога, ведь без этой «гипотезы», являвшейся для средневекового человека вовсе не гипотезой, а постулатом, настоящей потребности всего его видения мира и нравственного сознания, он был не способен объяснить мир и ориентироваться в нем» [10, с. 7]. Возникший в советской средневековедении исторический подход к христианской идеологии сочетался с разоблачением реакционной роли церкви как организации, стоявшей на страже интересов господствующего класса. Однако он существенно отличался от прежнего и поэтому позволял более успешно изучить данную проблему.

Перелом в исследовании средневековой культуры наметился в работах, освещавших отношение к ней классиков марксизма. Так, в статье М. П. Баскина была косвенно подвергнута критике старая концепция и подчеркнуто, что исторический метод анализа культуры прошлого, выработанный К. Марксом, полностью порвал со всякого рода скептицизмом и нигилистическим отрицанием культурных ценностей предшествующих эпох. Автор отметил прекрасное знание К. Марксом средневековой философии, в которой он впервые обнаружил прогрессивную роль борьбы номинализма против реализма, раскрыв материалистическую основу номинализма [4, с. 3—4, 11]. В статье М. П. Баскина, носящей общий характер, важна постановка вопроса, так как в то время в советской литературе «марксистским» скорее считалось полное отрицание культурных достижений средневековья. Более обстоятельно освещает вклад классиков марксизма в изучение этого вопроса Г. Фридлендер [25]. Он подчеркивает глубокий историзм К. Маркса и Ф. Энгельса, благодаря которому, по его мнению, они смогли по-новому подойти к явлениям средневековой культуры, раскрыть те ее чер-

ты, которые явились отражением прогрессивного хода исторического развития человечества в феодальную эпоху. Г. Фридендер один из первых обратил внимание на неоднократно повторяющееся положение Ф. Энгельса о значении формирования национальных языков и национальностей в средние века как необходимой предпосылке дальнейшего общественного и культурного развития человечества [25, с. 353]. Он также отметил, что классики марксизма, изучая памятники эпической поэзии, возникшей в раннее средневековье, показали их новые по сравнению с классическим эпосом античного мира черты, которые позволили говорить об их новом культурно-историческом и эстетическом качестве [25, с. 354]. Это очень важно, поскольку из общеизвестной высокой оценки К. Маркса и Ф. Энгельса культуры античности в период ее расцвета могло возникнуть представление о том, что они считали ее вершиной, после которой, т. е. в средние века, мог произойти только упадок.

В книге Г. Фридендера проанализированы многие высказывания классиков марксизма о средневековой литературе, в которых давалась высокая оценка литературным направлениям (например, поэзия трубадуров) и отдельным ее представителям. Таким образом, обратившись к наследию К. Маркса и Ф. Энгельса, авторы сразу же обнаружили в нем такие положения, которые не нашли своего отражения в прежней концепции средневековой культуры.

Первым серьезным исследованием, с которым связывается формирование новой концепции, была книга М. М. Бахтина, открывшая в народной культуре стран Западной Европы (особенно романских, в первую очередь во Франции) «смеющееся средневековье». Изучая творчество Франсуа Рабле — знаменитого деятеля французского Возрождения первой половины XVI в., М. М. Бахтин установил, что истоками своими оно уходило в далекое средневековье, в культуру, которую он определил как карнавальную, смеховую, сопряженную с удивительно разнообразной народной литературой, подвергавшей все осмеянию: начиная от торжественного богослужения, схоластической науки и кончая пародиями на рыцарские турниры. Многие образы, стилистические приемы, словесные формулировки, характерные для нее, стали достоянием не только Ф. Рабле, но и таких великих представителей европейской культуры, как Сервантес и Шекспир [6, с. 7—8]. Книга М. М. Бахтина получила высокую оценку советских ученых [19, с. 284—286]. С этого времени советские ученые, изучающие эпоху Возрождения, совершенно порвали с концепцией Мишле-Бурхардта, убедительно обосновав, что Возрождение явилось не только отрицанием средневековой культуры, но и теснейшим образом было с ней связано [5].

В 1972 г. появились две монографии, имеющие важное принципиальное значение для новой концепции средневековой культуры. Это книга известного специалиста по эпохе Возрождения И. Н. Голенищева-Кутузова [8], в которой исследуется литературный процесс в Италии между заключительными аккордами античной культуры и началом литературы на национальных языках, т. е. с III по XIII в. Этот процесс совершенно выпал из поля зрения советских ученых, и поэтому возникла определенная идеализация позднеантичной культуры и превратное представление о средневековье как о периоде, порвавшим с тем лучшим, что дала античность [8, с. 5]. В монографии на большом материале обосновано отсутствие какого-то «перерыва» в культурном развитии раннесредневековой Италии, литература ее свидетельствовала о прекрасном знании античных авторов, но перед ней стояли иные задачи, обусловленные христианским мировоззрением.

В монографии А. Я. Гуревича поставлена более широкая задача — создать целостную картину средневековой культуры [10]. Автор впервые в советской науке рассматривает центральные для средневекового мирозерцания и культуры феодального общества понятия «картины мира» средневекового человека, его пространственно-временные представления, его отношения к богатству и бедности, к труду, любви, свободе и несвободе, понятия права, обычаев, ритуалов. В их формировании синтезировались античные, христианские (в сущности тоже античные, поскольку христианство возникло в древнем Риме) и варварские (т. е. первобытнообщинные) элементы. В результате возникла присущая феодальному строю, совершенно отличная от предшествующих, несравненно более значительная культура.

Монография А. Я. Гуревича получила положительные отклики, вызвала большой интерес за рубежом и переведена в ГДР и ряде других европейских стран [22, с. 270—271]. О плодотворности его новаторского метода свидетельствует появление множества статей, книг, более глубоко обосновывающих специфику средневековой культуры и ее общечеловеческие ценности. Здесь следует прежде всего отметить работы специалиста по античной и средневековой культуре С. С. Аверинцева, который исследует представление о миропорядке в средние века и его отличие от античного, вопрос о новом понимании времени в истории и критике «отцами церкви» (особенно Августином) теорий круговоротов, присущих античной историко-философской мысли [2, с. 266—277].

Важным вкладом в изучение средневековой культуры является монография В. Л. Рабиновича [21]. Изучая алхимию, автор стремился выявить некоторые фундаментальные черты культуры средних веков, например такую черту, как стремление к универсальности, всеобъемлющему охвату, исчерпыванию

предмета до конца; культура средневековья определяется как культура текста, как время универсального комментирования [21, с. 259]. «Книжной» называет средневековую культуру другой советский ученый — Н. В. Варбанец, полагая, что ее источником явилось христианство с присущим ему устремлением к проповедничеству и ученичеству [7, с. 35]. Автор приходит к выводу, что только в связи с этими особенностями средневековой культуры стало возможным такое великое изобретение, как книгопечатание [7, с. 36, 100].

С другой стороны, в произведениях советских ученых все больше обосновывается положение о глубоком кризисе античной культуры, о вырождении античной философии и науки, литературы и искусства. Этой проблеме посвящено исследование Е. М. Штаерман [26], в котором изложены особенности позднеантичного мировоззрения и культуры в целом. Автор отмечает, что философия и наука в Римской империи оказались в стороне от основных фронтов идеологической борьбы. В науке вместо исследований распространилась практика компиляций энциклопедического типа, воспринятая затем ранним средневековьем и благодаря этому сумевшим сохранить и вобрать в себя много из античного наследия [26, с. 123]. Кризис античной культуры, по мнению Е. М. Штаерман, особенно обнаружился в углублявшемся разрыве между идеологией господствующих и эксплуатируемых классов, являвшемся результатом обострения социальных противоречий. При этом протест народных масс против официальной религии принимал религиозную форму, трудящаяся беднота и рабы выдвигали своих богов, не получивших официального культа [26, с. 127, 129]. Конечно, античная культура еще породила многих замечательных деятелей, «но в отличие от историков, писателей, философов, ораторов, некогда обращавшихся ко всему афинскому или римскому народу и находивших у народа самый живой отклик, они современному им простому, трудящемуся народу оставались чуждыми. Культура империи превращалась в культуру элиты, не предназначенную для «плебса, не имеющего мудрости». А это было несомненным показателем ее близкого упадка» [26, с. 132—133].

Интересны рассуждения автора относительно причин, вызвавших разочарование в философии рационализма, в появлении поэту новых систем мировосприятия, для которых было характерным отвращение к миру, призыв бежать от жизни; о той роли, которая принадлежала гностицизму в подрыве основ античного мировоззрения [26, с. 151—155]. Е. М. Штаерман показывает возникновение в древнем Риме течения с ориентацией на идеальный, противоположный земному мир, со взглядом на материю и телесное, как источник зла и порока. Это течение существенно повлияло на отношение к искусству, движущей силой которого становилась уже не реальность,

а фантазия, в результате чего от присущего античности реализма ничего не осталось [26, с. 161—162]. Автор в сущности обосновывает закономерное появление тех этических и эстетических взглядов, которые воплотятся в христианстве и его искусстве. Удивительно, но идеология, присущая средневековой, возникла в условиях поздней античности (вначале она создавалась идеологами народных масс, выразивших их протест против существовавшего строя).

Интересна в этом плане одна из работ С. С. Аверинцева, в которой он освещает роль христианства в крушении пораженного глубоким кризисом античного мировоззрения [3, с. 19]. В ряде других работ советских историков освещается кризис античной религии, которая довольно часто представлялась неизменной в течение всего своего существования и настолько идеализировалась, что как бы лишилась своего религиозного содержания и классового характера. В них отмечается, что языческая религия, превратившись в идеологию самых реакционных сил империи, полностью себя исчерпала. Боги Олимпа стали бесконечно далеки от бедняков и рабов, чуждой оказалась народу и официальная религия — культ императора. В империи широкое распространение получили разнообразно жестокие и уродливые культы.

Таким образом, исследования советских ученых убедительно показали, что не средневековье с якобы только в нем возникшим христианством уничтожило античную культуру, а она сама под влиянием кризисных явлений трансформировалась и именно в таком виде вместе с христианством досталась в наследство молодым варварским королевствам, возникшим на территории Западной Римской империи после ее гибели. Возникает новый вопрос: уничтожило ли христианство то лучшее, что было в античной цивилизации, или что-то заимствовало и таким образом сохранило? В специальной работе, посвященной средневековой философии, прямо отмечается, что «основным связующим звеном между исчезавшей античной культурой и рождавшейся феодально-средневековой в странах Западной Европы в VI—X вв. стала римско-католическая церковь» [24, с. 98, 105]. Эта же мысль всячески обосновывается в книге Г. Г. Майорова, в работах И. Н. Голенищева-Кутузова, А. Я. Гуревича, С. С. Аверинцева [20, с. 6—7, 14]. Этого мнения придерживался академик С. Д. Сказкин [23, с. 279].

Теперь уже известно, что подавляющее число античных литературных, исторических, философских произведений было переписано с непрочного папируса на прочный пергамент еще в эпоху Каролингов и поэтому сохранилось до наших времен. Но, конечно, к античному наследию католическая церковь относилась отнюдь не однозначно и использовала его главным образом для обоснования господствовавшего в средние века

мировоззрения и существовавших в то время институтов, которые в целом служили интересам феодального класса и были враждебны трудящимся массам.

Существенным моментом средневекового мировоззрения была глубокая убежденность в том, что Римская империя продолжала существовать в средние века (факт ее гибели в V в. будет обоснован только XV в. итальянскими историками-гуманистами). Варварские историки стремились в своих сочинениях обосновать «античное» происхождение варварских народов. Мнение об истреблении античной культуры христианским средневековьем оказалось несостоятельным и уничтожено в советской исторической науке.

В прежней концепции нападкам особенно часто подвергалось раннее средневековье (V—IX вв.), хотя признавалось, что именно в данный период путем сложного синтеза романских и германских элементов создавался новый общественный строй — феодализм, с марксистской точки зрения более прогрессивный, чем рабовладельческий.

Как уже отмечалось, в настоящее время советские историки перестали рассматривать этот период как время глубокого упадка, как какой-то перерыв в культурном состоянии Западной Европы. Следует учесть и то обстоятельство, что именно в эти полтысячелетия, по мнению авторитетных советских медиевистов, происходила социальная революция, приведшая к созданию новой формации. Если сравнить достижения советской науки с положениями классиков марксизма, то мы убедимся, что нынешняя трактовка раннего средневековья в сущности исходит из одного очень глубокого, имеющего принципиальное значение высказывания Ф. Энгельса: «...за эти четыреста лет был сделан шаг вперед (...). Исчезло античное рабство, исчезли разорившиеся, нищие свободные, презиравшие труд как рабское занятие (...). Общественные классы IX века сформировались не в обстановке разложения гибнущей цивилизации, а при родовых муках **новой цивилизации** (подчеркнуто автором). Новое поколение — как господа, так и слуги — в сравнении со своими римскими предшественниками было поколением мужей. Те отношения между могущественными земельными магнатами и зависимыми от них крестьянами, которые для римлян являлись формой, выражавшей безысходную гибель античного мира, были теперь для нового поколения исходным моментом **нового развития** (подчеркнуто автором). [1, т. 21, с. 153, 154].

Итак, возник не только новый общественный строй, но и новая цивилизация, некоторые черты, присущие ей, выделены Ф. Энгельсом как особенно прогрессивные. В Западной Европе эта новая цивилизация сформировалась в результате того же синтеза римских и варварских элементов, который имел место в процессе генезиса феодализма. Ф. Энгельс обратил на это внимание, отмечая вклад варваров в культурное развитие

европейских народов в средние века. Исследуя во всеоружии исторического материализма и обширной источниковой базы общественный строй древних германцев, специфику их культурного состояния, Ф. Энгельс сделал чрезвычайно много не только для понимания генезиса феодализма, но и для разъяснения важнейших культурных процессов данного периода. По его мнению, варвары, обладавшие довольно развитыми производительными силами, характерными для последнего этапа первобытнообщинного строя, встретились с великой цивилизацией античности в тот период, когда она пришла в упадок и находилась в тупике. Только варвары, с его точки зрения, способны были омолодить дряхлый мир гнущейся цивилизации [1, т. 21, с. 148, 149, 155].

Важным вкладом варваров в развитие средневековой культуры Ф. Энгельс считает то, что они создали новое расчленение западно-европейской части человечества для грядущей истории, дав начало формированию современных национальностей [1, т. 20, с. 506].

Сравнивая достижения античности с достижениями средневековья в период их расцвета, Ф. Энгельс отмечает общее культурное превосходство средних веков и суммирует его по трем пунктам. Прежде всего, «...вместе узкой культурной полосы вдоль побережья Средиземного моря, которая лишь кое-где протягивала свои ветви в глубь материка и по Атлантическому побережью Испании, Франции и Англии (...) теперь одна сплошная культурная область — вся Западная Европа со Скандинавией, Польшей и Венгрией в качестве форпостов» [1, т. 20, с. 506].

Старая концепция культуры средневековья совсем не учитывала того прогрессивного значения, которое имело для варварского мира соприкосновение с Западной Римской империей, что подчеркнул Ф. Энгельс. Без этого, конечно, невозможно иметь адекватного представления о той «новой цивилизации», которая, как уже было сказано, сформировалась к концу раннего средневековья. В настоящее время советские историки работают и в этом направлении [17]. Отмечая ущерб, нанесенный Галлии завоевателями — франками, А. Д. Люблинская тем не менее полагает, что германцы ничего не растеряли из доставшегося им наследства [17, с. 25, 26]. Наряду с быстрым ростом производительных сил, который, по ее мнению, происходил у франков благодаря усвоению этого наследства, они получили письменность, возможность учиться в епископских и монастырских школах VI—VII вв, писать исторические труды, стихи и поэмы на латинском языке. У Ф. Энгельса оценка этих процессов изложена как второе культурное достижение средних веков: «Вместо противоположности греков (resp. римлян) и варваров теперь имеется шесть культурных народов с культурными языками (не считая скандинавских и т. д.), которые были настолько развиты, что могли участвовать в могучем ли-

тературном подъеме XIV в. и обеспечили гораздо большую разносторонность образования, чем уже пришедшие в упадок и отмиравшие в конце древности греческий и латинский языки» [1, т. 20, с. 506]. В нашей стране издано большое количество средневековых произведений, созданных на этих языках, что свидетельствует об ее исключительном разнообразии и богатстве [11, с. 276—277].

Таким образом, в настоящее время культура средневековой Западной Европы изучена несравненно более глубоко и разносторонне, чем до начала 60-х годов. Работа в этом направлении продолжается по-прежнему интенсивно, освещаются различные малоизученные вопросы культурной жизни средневековья, что в целом содействует дальнейшему обоснованию и обогащению новой концепции средневековой культуры [12—14].

Список литературы: 1. Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 20, 21. 2. Аверинцев С. С. Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего средневековья. — В кн.: Античность и Византия. М.: Наука, 1975, с. 266—285. 3. Его же. Поэтика ранневизантийской литературы. — М.: Наука, 1977. —170 с. 4. Баскин М. П. Маркс и мировая культура. — В кн.: Вестн. истории мировой культуры. БСЭ, 1958, № 3, с. 3—18. 5. Баткин Л. М. Итальянский гуманистический диалог XV в. — В кн.: Из истории культуры средних веков и Возрождения. М.: Наука, 1976, с. 175—221. 6. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Возрождения. — М.: Худ. литература, 1965.—570 с. 7. Варбанец Н. В. Йоханн Гутенберг и начало книгопечатания в Европе. — М.: Книга, 1980.—303 с. 8. Голенищев-Кутузов И. Н. Средневековая латинская литература Италии. — М.: Наука, 1972.—308 с. 9. Горбачевский Б. Кресты, костры и книги. — М.: Сов. Россия, 1965.—199 с. 10. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. — М.: Искусство, 1972.—318 с. 11. Его же. Средневековая литература и ее современное восприятие. — В кн.: Из истории культуры средних веков и Возрождения. М.: Наука, 1976, с. 276—314. 12. Его же. «Эдда» и сага. — М.: Наука, 1979.—192 с. 13. Даркевич В. П. Путиами средневековых мастеров. — М.: Наука, 1972.—191 с. 14. Его же. Аргонавты средневековья. — М.: Наука, 1976.—200 с. 15. История средних веков/Под ред. С. Д. Сказкина. — М.: Высш. школа, 1966, т. 1.—596 с. 16. История средних веков/Под ред. С. Д. Сказкина. — М.: Высш. школа, 1977, т. 2.—471 с. 17. Люблинская А. Д., Прицкер Д. П., Кузьмин М. Н. Очерки истории Франции. — Л.: Учпедгиз, 1957.—369 с. 18. Люблинская А. Д. Латинская палеография. — М.: Высш. школа, 1969.—192 с. 19. Ее же. М. М. Бахтин и советская медиевистика. — В кн.: Средние века. М.: Наука, 1976, вып. 40, с. 284—286. 20. Майоров Г. Г. Формирование средневековой философии. — М.: Мысль, 1979.—430 с. 21. Михайлов А. Д., Рабинович В. Л. Алхимия как феномен средневековой культуры. — В кн.: Новый мир, 1981, № 7, с. 259—262. 22. Панченко А. Культура средневековья и современность. — В кн.: Новый мир, 1973, № 12, с. 267—271. 32. Сказкин С. Д. Из истории социально-политической и духовной жизни Западной Европы в средние века. — М.: Наука, 1981.—295 с. 24. Соколов В. В. Средневековая философия. — М.: Высш. школа, 1979.—448 с. 25. Фридлендер Г. К. К. Маркс и Ф. Энгельс и вопросы литературы. — М.: Худ. лит., 1962.—607 с. 26. Штаерман Е. М. Кризис античной культуры. — М.: Наука, 1975.—182 с.

Поступила в редколлегию 14.11.81.